

18+

*Причиной
была этому
любовь?*

Марина Шелех

Марина Андреевна Шелех

Причиной этому была любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63124052

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99968-8

Аннотация

Чувственный роман о любви, соединяющий в себе простоту слова и стремительность сюжетной линии. Молодой и талантливый винодел Ренард влюбляется в девушку Авелину, за спиной которой уже есть горький опыт безответной любви. Встреча при необычных обстоятельствах – далеко не все, что подкидывает им судьба на пути к совместному счастью. Пытаясь быть вместе, герои узнают правду, которая в корне меняет их представления о прожитой жизни и любви друг к другу. Любовь оказывает влияние на каждого и происходят события, полностью меняющие судьбы героев...

Содержание

Часть 1	4
Побег	4
Это она	22
Кайе	34
Ты когда-нибудь влюблялся?	53
Цвет пасмурного неба, предвещающего ясную погоду	61
Правда	82
Знакомство	97
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Марина Шелех

Причиной этому была любовь

Часть 1

Побег

Покидав все нужные продукты в сумку, молодая девушка с длинными светлыми волосами пытается незаметно пройти по коридору. Она старается идти уверенно, хотя ее сердце готово «выпрыгнуть» из груди. На пути ей встречаются ее знакомые и она со всеми мило здоровается. С некоторыми даже заводит непринужденную беседу, но ссылаясь на некоторые срочные дела, продолжает свой путь к выходу. Охраннику на выходе говорит, что у неё закружилась голова и ей срочно нужно подышать свежим воздухом.

Охранник – толстый мужчина с усами – презрительно осматривает её и замечает рюкзак за спиной.

– Что в рюкзаке? – строго спрашивает он

Черт. Не прокатило! – думает девушка и тут же начинает в голове перебирать все возможные ответы, которые вызвали

бы минимум подозрений.

– Я могу его оставить. – смело заявляет девушка, пытаюсь в итоге уйти от ответа. Она понимает, что выбранный ответ был не самым подходящим в данной ситуации, но обратно слова уже не вернешь. Теперь вся надежда на наивность охранника, или на удачу. Ни в том, ни в другом она совсем не уверена...

Охранник внимательно смотрит, глубоко вздыхает, и прежде, чем успевает договорить, – Что в рюкзаке... – у него звонит телефон.

Отлично! Очень вовремя! Сегодня точно мой день! – про себя думает девушка и непроизвольно улыбается. Толстый мужчина с усами это замечает. Его брови приподнимаются, но он не прекращает разговора.

Девушка мило улыбается и произносит:

– Я подожду.

Охранник отходит в сторону, и как только отворачивается, светловолосая девчонка скрывается из виду.

На улице девушку ждет другая девчонка: помладше, с кудрявыми черными волосами и ярко-голубыми глазами.

– За мной! Бежим! Совсем скоро охранник поймет, что мы хотим сбежать!

– Твой план снова провалился?

– Нет! В Этот раз все должно получиться! Главное, не останавливаться! Ты нашла проход через ворота?

– Да, но... Авелина, подожди. – умоляющим голосом про-

изнесла кудрявая девчонка.

–Ты понимаешь, что мы не успеем, если не поторопимся? Охранник может догнать нас с минуты на минуту. – Авелина почти кричала.

Авелина – девушка с длинными светлыми волосами, карими глазами и аккуратными чертами лица: маленький носик, пухлые губы, и милые розовые щеки. Таким девушкам непременно нужно быть моделями или актрисами кино, но никак не девушкой без надежды на успешное будущее. Реалистка по жизни, хоть и любит перед сном помечтать о прекрасном.

Родителей своих они совсем не помнили. Хотя постоянно думали о них: какие они, и почему их не забирают. Девочки были из детского дома, в этот самый момент сбегавшие из него.

Девочки жили в детдоме практически с самого рождения, но очень сильно отличались от остальных. Особенно младшая сестра Анет – черноволосая кудрявая девчушка с глазами цвета васильков, которой было всего девять лет. Она постоянно мечтала, что-то воображала, жила в своем мире. С утра до вечера с её лица не сходила улыбка. Других в детском доме это только раздражало: злые дети издевались над ней, часто запирали маленькую Анет одну в комнате. И все это потому, что она не такая как они. Воспитатели пытались с этим бороться. С тем, что они видели. Но многое происходило не перед их глазами. Единственная, кто понимал её,

была сестра Авелина. Очень часто ей приходилось вести себя так же бессердечно и грубо, как и другие дети. Не потому, что действительно считала это правильным, а чтобы выжить самой и смочь при необходимости защитить Анет. Авелина на других детей оказывала большое влияние, но переубедить их во взглядах на жизнь никак не могла.

– Ну догоняй, давай! Я уверена, когда мы встретим родителей, они будут гордиться нами! Мы сбежим! Мы сможем! – восторженно кричала Авелина, вовсе не думая о последствиях, опровергая свои реалистические взгляды на жизнь. Мысль встретить родителей – это все что её волновало и утешало в грустные будни ее детдомовской жизни.

– Авелина, еще один шаг, и я упаду. К тому же, я сильно проголодалась – спустя какое-то время стала ныть маленькая Анет, которая за время их побега уже изрядно устала.

– Ну хорошо... Давай доберемся до того заброшенного дома, и я что-нибудь придумаю? Хорошо?

– Угу. – согласилась Анет и что есть силы «поплелась» за старшей сестрой.

В нескольких милях от них находился старинный особняк. Ходили слухи, что хозяева этого дома отправились на остров Санторини, и пока что так и не вернулись оттуда. Сплетен было много – это обсуждали даже воспитатели и учителя, поэтому даже ребята из детского дома кое-что слышали об этом. Сейчас этот огромный дом был опечатан и вход туда запрещен.

—Ладно... — расстроившись, сказала Анет, уже изнемогая от голода и усталости.

Внешний вид дома напоминал больше замок, чем жилой среднестатистический дом, зелень вокруг придавала ему особый шарм.

Войдя туда, девочки были поражены убранством и красотой помещений. Посередине белоснежной комнаты, в которую они попали была винтовая лестница. Она, словно змея, устремлялась высоко вверх. По бокам комнаты стояли скульптуры из глины. Сама же комната имела форму круга, со всех сторон которой были расположены двери. Высоко наверху виднелся свет, исходящий с улицы.

— Это что, стеклянный потолок? — изумилась Анет.

— Видимо да. — не менее изумленная ответила Авелина.

— Как же тут красиво! Я никогда не бывала в подобных местах! — закричала Анет и стала бегать по круглой комнате, тщательно все рассматривая. Былая усталость уступила место любопытству.

Такой счастливой я давно ее не видела. — пронеслось у Авелины в голове.

Авелина попробовала открыть каждую из дверей, находящихся в комнате, но безуспешно. Они были закрыты.

Поправив спустившиеся бретельки её нежно-голубого платья, Авелина очень осторожно пошла вверх по ступенькам. В тот момент она чувствовала себя если не принцессой, то точно знатной дамой. Совсем как в сказках, которые чи-

тали на ночь в детском доме. На минуту она забыла о всех проблемах. Она шла медленно, аккуратно, ведя своей нежной рукой по перилам мраморной лестницы. Когда она поднялась на второй этаж, её взору представились еще несколько комнат.

– Анет, беги быстрее сюда! – громко крикнула она своей младшей сестре.

Авелина аккуратно дернула ручку одной из дверей, и та приоткрылась. Она слегка толкнула ее вперед и прежде, чем самой туда войти, осторожно оглядела всё вокруг. *Кажется, никого тут нет* – подумала она. Ей сразу захотелось открыть и другие двери тоже.

Все двери за исключением той первой были закрыты, но и в этой комнате ей удалось найти всё, что им было необходимо.

– Я нашла спальни и ванную. Мы с тобой сможем здесь переночевать. – чуть тише, чем в первый раз произнесла она.

– Уже бегуууу! – кричала Анет, неуклюже вскарабкиваясь по лестнице. Она перешагивала через ступеньку, пытаясь сократить время на подъем, но в итоге тратила на это время столько же, сколько бы потратила, если бы ступала по каждой ступеньке. Девчонка, что с нее еще взять.

Девочки переглянулись, кивнули друг другу в знак согласия, схватились за руки и устремились вместе осматривать комнату.

Комната была больше похожа на гостиничный номер, в

котором всегда есть еще одна комната – ванная. Девочек это удивило, они ведь никогда не бывали в подобных местах, поэтому с восхищением всё рассматривали и принимали как должное для такого места.

– Странно, что в такой богатый дом, нам удалось так легко попасть. – сказала умная не по годам девчушка Анет, присаживаясь на стоявшую по центру комнаты двуспальную кровать.

– Ну, может быть, и не странно. Если все люди думают, что у богатых домов сильнейшая охранная система, то и не станут туда лезть. – парировала Авелина. – Большую странность у меня вызывает то, что только одна комната во всем доме оказалась открытой. Как будто нас тут ждали... – Авелина еще раз осмотрела всю комнату и глянула на приоткрытую дверь их «гостиничного номера».

– Да, это тоже странно. – согласилась Анет. – Может, просто в спешке забыли закрыть?

– Может быть. – задумчиво произнесла Авелина, но подсознательно не поверила этому.

Странно. Все очень странно... Дверь захлопнулась.

Вечерело. Из спальни, в которой обустроились девочки, было видно, как красное солнце заката очень медленно опускается и прячется где-то за горизонтом. В дали можно было разглядеть небольшой лес, покрытый вуалью сумерек. А перед ним небольшое озеро, в котором еще отражаются последние лучи заходящего солнца.

Анет, в оцепенении увиденного, стояла на балконе, раскрыв рот. Похоже, она ушла в себя и о чем-то задумалась. Лишь легкий ветерок покачивал её черные, как смоль волосы.

– Наверное, здесь жили очень счастливые люди. – внезапно прервала молчание Авелина, наблюдавшая тоже самое.

Анет промолчала. Она продолжала смотреть на уже совсем красное озеро впереди и на плывущие над ним облака.

– Я голодна. – говорит Анет, и Авелина видит, как несмотря на всю эту красоту, сестра несчастна.

Девочки решили, что поедят прямо в спальне. Они достают багет и палку колбасы, которую смогли забрать на кухне в детском доме.

– Давай откусывай ты, потом я. И так будем по-очереди.

– Какие планы дальше? – с легкой, больше похожей на притворную, улыбкой спрашивает Анет.

– Точно не знаю. Завтра сядем в автобус до Парижа, а там... А там у нас начнется новая жизнь.

– Ооох. – доев бутерброд, Анет спиной плюхается на мягкий матрас. – Это конечно не полноценный ужин, но тоже неплохо.

– Ну же, давай я всё уберу с кровати, а ты пока лучше раздевайся. – предлагает Авелина, убирая небольшой нож и остатки еды обратно в свой рюкзак.

После того, как обе разделись, Авелина словно заботливая мамочка, помогает улечься Анет, и сама ложится рядом.

Мягкость и прохлада постельного белья окутывает ее тело и Авелина начинает засыпать. Еще пока что легкий, как перышко сон, прерывает сестра:

—Авелин?

—М?

—А ты уверена, что нам это нужно? Вдруг мы не найдем родителей? А мадам Бенуа хорошая, нас не обижает.

Теперь Авелине стало ясно, отчего сестра ее выглядит такой несчастной. Она скучает. Скучает по тому месту, откуда они рвались прочь. И Авелина отчасти это могла понять. Анет попала туда совсем малышкой, она там выросла. Каким бы ни было ее сильным желание увидеть родителей, узнать их, еще труднее было расстаться с тем местом, к которому привыкла, местом, которое считала своим домом. Даже если иногда там было плохо, там всегда была мадам Бенуа, которая своей заботой скрашивала серые будни.

—Да она хорошая. — мечтательно произносит Авелина. — Но мы должны попробовать. Обратного пути уже нет, Анет.

—Ну да, наверное, должны. Я не знаю, если честно.

—Я предлагала же тебе остаться, Анет. Теперь уже поздно возвращаться! — потеряв всякий сон, восклицает Авелина.

—Нет, ты чего, я тебя одну не оставлю. Вместе до конца.

Как бы Анет не скучала по тому месту, откуда они только что сбежали, ей не хотелось расставаться с сестрой, также, как и не хотелось бросать сестру одну, когда так многое может случиться в жизни (причем не самого хорошего). Анет

хотела быть рядом. У нее не было родителей, она не хотела лишиться еще и сестры.

—Ну и хорошо. Завтра нам в путь. А сейчас давай не думать о слишком сложных вещах. — твёрдо заявляет старшая сестра и переворачивается на другой бок, подперев под свое лицо кусочек мягкого одеяла. От этого ей становится приятнее, и сон вновь подходит к ней, взяв в свои объятия.

—Давай. — покорно соглашается Анет. Ей не хотелось спорить с сестрой. Она мало, что понимала во взрослой жизни. Впрочем, как и сама Авелина, но Анет младшая и должна во всем слушаться сестру. Она тоже закрывает глаза и уже совсем скоро погружается в мир снов.

Яркое солнце слепит в лицо.

О нет, неужели надо вставать.

Авелина переворачивается на другой бок и утыкается лицом в мягкую подушку, чтобы жгучее утреннее солнце не слепило глаза.

Как же хорошо вот так вот: просто лежать в мягкой постели и ничего не делать. — подумала она, слушая как чудесно поют птицы за приоткрывшимся окном. Утреннее пение птиц словно гипнотизирует ее, напевая при этом:

Оставайся, не торопись,

В глубокий сон ты провалишься.

Там будет все, как хочешь ты,

И сбудутся все твои мечты...

Слова конечно же придумала сама Авелина, но ей казалось, что сами бы они не придумались, если бы не эти ранние птички. Смысл своих песен они доносили сразу в сознание девушки. Лишь для нее одной.

Как бы прекрасно здесь ни было, надо вставать. – говорит её внутренний голос, отгоняя назойливую песенку из головы. Она начинает потягиваться.

– Авелина, я нашла кухню и приготовила нам завтрак. – говорит маленькая Анет, осторожно переходя порог комнаты.

Её черные как смоль волосы заплетены в аккуратную косичку на бок.

– Ты так сладко спала, что я не хотела тебя будить. Но нам скоро надо продолжать путь. Нас могут найти. – продолжала она, хотя в глубинах души не знала, что лучше: продолжить свой путь и найти родителей (что не точно) или же их найдут и вернут в детдом, придумав им наказание за содеянное?

– Нашла кухню? – с удивлением спрашивает старшая сестра и тут же приподнимается с кровати. Пение птиц для нее уже не кажется гипнотизирующим. Она вовсе забыла про них. – На первом или на втором этаже? – спрашивает вновь она, но тут же понимает, что это не имеет никакого значения. *Вчера все двери были закрыты. Абсолютно ВСЕ.* Она сама проверяла.

– Да. – спокойно отвечает Анет, не понимая, почему так взволнованна сестра. – На первом этаже. Там в холодильнике

я нашла немного еды. Мы можем перекусить и отправиться в путь. А то, что у нас осталось – прибережем на дорогу. – Анет говорила, как уже достаточно взрослый человек, умеющий здраво мыслить. Мыслила она действительно здраво, но то, что запертые двери оказались открыты, даже не заметила. Да и должна ли она была заметить? Ей всего-то 9 лет.

–А еще какие-нибудь ты двери открывала? – не унималась Авелина. Что-то тут ей казалось странным. Страх медленно, но верно заполнял всё ее тело, не оставляя ни кусочка свободного места. Отражение этого выступало у нее на лице.

–Конечно. – с опаской ответила Анет, заметив изменение в лице Авелины, в интонации ее слов. Анет боялась сказать что-нибудь не то, и получить за это от сестры выговор. За то, что была неосторожна и отправилась осматривать дом одна, или за то, что такую находку не поделила с сестрой, или за то, что... – вариантов могло быть масса. Анет это знала точно. Она не могла с точностью определить за что ее может поругать старшая сестра, но откуда-то знала точно, что сестра не упустит момент – это сделать. И хотя на самом деле Авелина почти не ругала сестру (только если за дело), Анет не раз видела такие случаи по телевизору, и об этом ей рассказывали другие девчонки из детского дома. Поэтому каждый раз боялась, что такое и с ней может случиться. Сами слова по себе не страшны. Страшно то, что может последовать за ними. Удары. Испорченные отношения. Именно этого каждый раз боялась Анет. И каждый раз зря.

Это не случилось и в этот раз. Авелина, встревоженная за сестру, лишь осторожно спросила:

– С тобой все в порядке?

– Да, конечно. А что, что-то случилось? – Анет заметно расслабилась и плечи ее опустились.

– Нет, всё в порядке. Пойдем завтракать. – успокоившись проговорила Авелина. Ей совсем не хочется волновать Анет.

– После завтрака покажешь мне комнаты, которые оказались открыты?

– Конечно. – радостно ответила Анет и зашагала в найденную ею кухню.

Быстро нацепив на себя платье, Авелина направилась следом.

После завтрака, как и договорились, девочки отправились заново осматривать комнаты. Другие двери на первом этаже двери по-прежнему были закрыты. На втором этаже открытых дверей оказалось не много. Помимо той, в которой ночевали Авелина и Анет, были открыты еще спальня и зал.

Слишком много, чтобы я вчера случайно не заметила. – подумала Авелина, переступая порог найденной спальни.

В просторной, светлой спальне девочки нашли различную одежду известных французских и итальянских брендов, о которых могли только слышать по телевизору или от других ребят.

– Я думаю, когда хозяева вернутся, то они не обидятся на

нас, если мы возьмем пару платьев. – ехидно проговорила маленькая Анет, стоя перед зеркалом и воображая, что она королева. Наряды все ей были большие, но это нисколько не смущало маленькую девчушку. Улыбка не сходила с её лица, глаза светились как огоньки. Анет, будто забыла о мыслях, тревожащих ее разум. Или не забыла?

– Да, я думаю они даже не заметят. – поддержала её Авелина.

– Ммм, а как на счет просто померить все эти платья? Я думаю, у нас есть немного времени, чтобы развлечься.

Анет, ничего не забыла. Ей подумалось, *а почему бы не задержаться тут еще на немного?* Может быть их успеют здесь найти, и, тогда они благополучно вернутся назад. Если же не успеют найти, значит им судьба отправиться на поиски родителей.

– Анет, я не думаю, что это хорошая идея...

– Ну пожалуйста, пожалуйста! – умоляет Анет, корча разные рожицы и прыгая вокруг Авелины.

И что с ней стало? Совсем недавно она была так несчастна, а сейчас корчит рожицы и улыбается до ушей. Неужели дорогие дамские вещицы так влияют на мою сестру? По-моему, тут же даже нет ее размера... Чтоож, если от этого Анет станет чуть веселее...- Ладно – нехотя соглашается Авелина.

–Только пойдем в зал. Я думаю, под музыку это будет гораздо веселее. – прокричала Анет, вошедшая в азарт.

В отличие от других, представших перед ними комнат, зал оказался довольно современным и просторным. На полу постелен белый паркет. Стеклопанная стена с видом на природу: широкие поля виноградников переливаются разными оттенками зеленого. Видно всё тоже озеро, которое они разглядели в первый день. Сбоку находится большой камин, к которому развернуты белый кожаный диван с двумя креслами и шахматным столиком посередине. С другой стороны, стоят большие аудиоколонки. По бокам от них на стенах развешаны черно-белые фотографии, на которых изображены портреты различных людей.

— Наверное это хозяева дома. — Авелина указывает на фотографии.

— Не знаю, может быть. — передернула плечами Анет. — Помоги лучше включить музыку, тут уже стоит какой-то диск.

— Я думала дисками уже давно не пользуются.

— Ну видимо есть любители. — немного разобравшись, Авелина включает музыку, и играет очень ритмичная мелодия.

Девочки танцуют, смеются. В данный момент они кажутся совершенно беззаботными. В глубине души ни одна, ни другая не чувствуют этого. Анет обеспокоена своим планом и что из этого выйдет, а Авелину вновь стали беспокоить мысли о дверях. О дверях, которые странным образом из закрытых превратились в открытые. *Вдруг мы тут ни одни?* — слышит она свой голос в голове, но Анет прерывает ее мысли и

те исчезают бесследно.

– Авелина, я тут кое-что нашла твоего размера... Может померяешь? – смущенно проговорила Анет, протягивая маленькое бежевое платице, расшитое камнями, которые переливаются всеми цветами радуги от солнца, проникающего через окно.

На доли секунды у Авелины «загораются» глаза, но потом мрачные мысли заполняют её голову, и по лицу становится видна обеспокоенность и страх.

– Убери его, Анет.

– Да тут никого нет, тебе нечего стесняться.

– Нет, нет и еще раз нет. Даже не думай. Я не буду это надевать. – быстро проговорила Авелина, выставя перед собой ладони. – Это всё-таки не наши вещи. И нам уже пора. Выключай музыку и пойдем.

Анет поняла, чем обеспокоена её сестра.

– Я так же, как и ты хочу найти наших родителей. И узнать, почему они от нас отказались. Или не отказались... И что вообще с ними случилось. – медленно, спокойным и серьезным голосом говорит Анет, взяв свою сестру за руки. – Но мы так долго их ждали. Они поймут нас. – улыбнувшись, закончила Анет. И уголки её рта слегка приподнялись.

Сейчас Анет действительно хотела забыться и не думать ни о своем плане, ни о том, что, возможно, их ждет впереди.

Авелина глубоко вдохнула. *Может оно и так.* – Ну ладно. Пожалуй, мы заслужили немного развлечения.

Играет музыка. Я вижу, как ослепительная девушка с длинными, золотистыми как солнце, слегка кудрявыми волосами, в нижнем белье, с искрами в глазах и широкой улыбкой на лице, красиво танцует под музыку. В ней много жизни – это говорит каждое ее движение, каждый ее взгляд. За ее спиной, из-за стеклянной стены слепит жгучее солнце, которое покрывает её локоны и всё её прекрасное тело теплыми оттенками. Её движения игривы. Она делает плавное вращение головой и некоторые волосы падают ей на лицо. *Ей чертовски это идет.* Сердце ушло в пятки. Дыхание участилось.

– Бесподобно. – Вырывается из моих уст. Других слов подобрать не могу. Сердце бешено колотилось. От красоты? От страха? Волнения? Не знаю. Казалось, все чувства смешались.

Некоторое время я остаюсь неподвижным, чтобы не напугать девушек. И я с удовольствием наблюдаю за происходящим. Меня не видно, я спрятался за дверью. На доли секунды в моей голове сплывают пошлые мысли, и появляется легкая ухмылка на моем лице, но я стараюсь её отбросить. Эта девушка слишком невинна для меня, хотя в ней что-то есть и от хищницы.

Девушка садится на край дивана – спиной ко мне. Она заводит свои руки назад и пытается расстегнуть свой бюстгальтер. Я в предвкушении. Такого я точно не ожидал. Мои

губы сохнут. Тело напрягается. Я слегка приоткрываю рот. Закусываю губу.

– Черт! – произношу я вслух и чувствую, как чем-то тяжелым ударили мне по голове. Голова кружится и в глазах темнеет. Колени подкашиваются, и я падаю. Последнее, что я видел, это милое, напуганное лицо той девушки. Щеки её розовые, розовые... А глаза – глаза карие. Как ночь. Цвет глаз плавно перетекает во все, что я вижу и мое сознание отключается... Погружается в мир темноты.

Это она

Сейчас мне 24. С того момента прошло уже 4 года. Но я почему-то не могу никак забыть ту девушку. Что-то в ней было такое, что привлекло меня. Может красота? *Вряд ли* – отговариваю я себя. – я много встречал прекрасных девушек, даже краше той. Наверное, я просто заиклился или привык думать о ней. Да, наверное, это привычка.

Тут, эти мысли прерывают другие. Я вспоминаю, как очнулся после того сокрушительного удара сзади. Как я мог забыть в тот момент, что и было двое? Очнувшись, я оказался привязан намертво к стулу, у меня был заклеен рот. Помню тот обеспокоенный взгляд, с которым я встретился очнувшись. Она посмотрела мне прямо в глаза, ее нежные, прохладные руки лежали у меня на коленях. Она хотела тогда мне что-то сказать, но передумала, и затем поспешно скрылась. Я пытался кричать. Пытался выбраться. Хотелось догнать ее, узнать, что произошло, объяснить, кто я такой. Все мои попытки отвязаться были безуспешны. Как я только ни старался: и вертелся, и пытался перевернуться, и доскочить до стола, на котором надеялся найти что-нибудь острое. Всё бесполезно. Вот черт! Девчонки оказались достаточно хитрыми.

Я сжимаю кулаки от злости, от воспоминания того, что я потом пережил.

Черт! Черт!

Внимательность никогда никому еще не навредила. А вот невнимательность... *Тут я сам виноват.*

Я поправляю рукой свои каштановые волосы и выкидываю из головы ненужные мысли. Ни к чему хорошему они меня не приведут.

Делаю последний глоток капучино.

Оглядываю кафе, в котором нахожусь. Оно довольное маленькое. Возле окон стоят небольшие круглые деревянные столики с белыми скатертями. Вокруг столиков стоят по два стула из темного дерева с красной обивкой. В кафе на окнах ничего нет, и благодаря этому открывается прекрасный вид на Париж. Все деревья одеты в красные, золотые и оранжевые оттенки. Солнце скрылось за воздушными облаками. Теперь у облаков божественный свет.

Я ощущаю, как в кармане вибрирует. Это звонит телефон.

– Ренард. Слушаю. – серьезным тоном говорю я.

– А, это ты, дружище. – я говорю уже мягче. – Что? Встретиться? Да, конечно же. Подожди минутку.

Я быстро достаю из своего портфеля темно-синий кожаный ежедневник и просматриваю какие у меня планы на эту неделю. Кажется, все дни заняты... А нет. Вечер пятницы свободен.

– Как на счет вечера пятницы, а? – с немного «пьяной» от удовольствия слышать его» улыбкой на лице спрашиваю я.

– Да отлично. Тогда до встречи!

Убираю свой телефон во внутренний карман темно-синего пиджака, а ежедневник в кожаный портфель черного цвета.

Ну так- то лучше, хоть развеюсь и отдохну на недельке.

Подзываю официанта, расплачиваюсь и оставляю огромные чаевые. Впрочем, как всегда.

Когда я выхожу на улицу, то понимаю, что довольно прохладно. Дует сильный ветер. Мне нравится наблюдать за привлекательными девушками в шифоновых платьях, которые проходят мимо меня. Они упорно стараются придерживаться платья, которые разлетаются от ветра в разные стороны на их стройных телах. Я вижу, что они с этим очень плохо справляются. Я уже успел заметить красные бикини у блондинки со вторым размером груди. Хм, нет. Эта блондинка не в моем вкусе. Но мне нравится это зрелище. И это заводит. Очень даже заводит. У другой девушки медные волосы. Обожаю этот цвет волос. И на вид она довольно-таки неплоха... Пожалуй, я предложу их подвезти.

– Здравствуйте милые леди. – вежливо начинаю я, поправляя темно-синий галстук у шеи.

– Извините, мы очень торопимся. – грубо отвечает «красные бикини».

Да, она мне сразу не понравилась. Эта блондинка... Да еще и грубиянка.

Мда! – проскакивает у меня в голове. Но я не подаю виду и продолжаю:

– Я могу вас подбросить. – кокетливо добавляю я и уголки моих губ слегка приподнимаются.

– Это очень легко устроить. Вон стоит моя машина. – указываю рукой на черное БМВ, находящееся на углу улицы, в десяти метрах от нас.

Блондинка кривит лицо и губы её пытаются улыбнуться. Я думаю, она поняла свою вину, когда пыталась меня отшить. Я бы тоже хотел её... Отшить.

– Мы будем очень рады – вступает в разговор девушка с великолепными рыжеватыми волосами.

О да, детка. Надо было тебе первой отвечать.

Я элегантно пропускаю девушек вперед, показывая тем самым мою воспитанность. На самом деле я просто хочу еще раз насладиться зрелищем поднимающихся платьев.

Когда я открываю дверь заднего сиденья для девушек, то совершенно случайно замечаю на другой стороне улице девушку, очень похожую на ту девушку из воспоминаний... Которую я видел 4 года назад.

О Боже! Неужели это она? Такая взрослая, совсем не похожая на ту девчушку в нижнем белье. Или не она?

– Наверное, мне показалось. – сказал я сам себе, не отрывая от нее глаз. – У той были светлые волосы, а эта шатенка.

Да нет, она. Те же черты лица, та же фигура. Уж ее то я точно запомнил. Я не должен упускать свой шанс.

Я киваю Арно – моему водителю. И он меня понимает. Моя машина уезжает без меня. А я следую на другую сторо-

ну дороги вдогонку за своим «прошлым». А может и будущем... – Последнюю мысль я сразу же быстро откинул.

Выглядит она шикарно: черные замшевые сапоги на шпильках, красное приталенное платье, которое соблазнительно обтягивает её фигуру. Накрученные темные волосы собраны с одной стороны и поверх надета черная шляпка с небольшими полями. Она разговаривает с кем-то по телефону, и кажется, кого-то ждет. Это заметно по тому, как она постоянно поворачивается.

Подождав пару минут, я решаюсь к ней подойти. Как только я делаю несколько шагов на встречу, к ней подходит высокий солидный парень в белой рубашке, заправленной в черные брюки. Я отступаю немного назад. Он нежно целует её в щеку, обхватив правой рукой за её модельную талию. Подъезжает белая ауди, они садятся туда и уезжают.

Бесполезный день. – думаю я.

Ни с девушками с теми не развлекся, ни про эту ничего не узнал. Проклятье!

Звоню Арно, чтобы он вернулся за мной.

Пятница. Вечер.

Играет ритмичная музыка. Я пытаюсь расслабиться в удобном вельветовом кресле и насладиться шоу клуба, в котором сейчас нахожусь. Передо мной на столе танцует изящная стриптизерша с короткими светло-русыми прямыми волосами. На ней практически ничего не надето. Её тело изви-

вається в такт музики.

– Я смотрю у тебя сложная неделька выдалась? – говорит, ухмыляясь Джери.

Джерард Бретон. Джери – мой друг с самого детства. Еще наши родители вместе дружили, поэтому мы знакомы очень давно. Друзья мы – «не разлей вода». По крайней мере, так было в нашем городе. Мы вместе открыли свой бизнес. Молодые и полные энергии, мы стали осуществлять свои невероятные задумки на практике и вскоре нас заметили. Мы продаем вино – собственное и других виноделов. В наши проекты вложили хорошие средства и уже очень скоро мы разбогатели. Теперь не мы работаем на деньги, а они на нас. Это не разрушило нашу дружбу, а еще сильнее её скрепило. После пропажи моих родителей, я вынужден был скрываться. Его семья с распростертыми руками меня приняла и позаботилась о моем обучении. Именно они направили меня на правильный путь. Я очень им за это благодарен.

– Да не то, чтобы сложная. Я всё ту девушку не могу выкинуть из головы. – быстро выпаливаю я, поворачивая голову на прозрачную стеклянную лестницу, по которой на светящийся подиум выходят еще несколько стриптизерш. Некоторые из них подходят к шестам.

– Да уж столько лет прошло. Брось ты эти детские мечты, пора повзрослеть. У тебя ведь есть всё, что захочешь. – говоря это, он нежно поглаживает девушку у себя на коленях и с пристрастием любит её. – А чего нет, то можешь органи-

зовать за считанные минуты. — щелкает в воздухе пальцами.

Там, где мы родились, он известен как неисправимый ловелас. Каждая вторая девушка сходила по нему с ума. И каждая третья побывала у него в постели. Кажется, эта слава скоро настигнет его и в Париже.

На вид он обычный парень, спортивного телосложения, карими глазами и темными волосами.

— Её нет. — выдыхая говорю я. — Нет, а если серьезно, она, конечно, симпатичная, даже очень, но сама история не даст мне покоя. Она смогла бы рассказать мне куда больше, я уверен.

— Ты думаешь она связана с родителями? Да брось ты! Они тогда были совсем девчонки, да и сейчас, наверное, тоже.

— Да, пожалуй, ты прав, Джерри. Но... что-то всё равно не дает мне покоя. Я еще, наверное, сам не разобрался что именно.

— Похоже мне никак не выбить эту дурь из твоей головы?

— Никак.

— Что ж. — решительно говорит Джери, убирает пышногрудую брюнетку со своих колен и облакачивается локтями вперед на стол, не замечая танцовщицу на нем. — Тогда я попробую помочь тебе. — Джери смотрит вверх из-под ресниц на длинноногую танцовщицу.

— Как же это? — с удивлением спрашиваю я и моя правая бровь приподнимается вверх. Затем я замечаю, как девушка на подиуме, одетая в красный прозрачный пеньюар, вы-

гибается назад, запрокидывая голову, затем нежно проводит своей рукой по оголённым участкам своего тела. Это меня немного отвлекает от нашего разговора. И я рад. Но Джери не сдаётся. Сам виноват, что начал – тут некого винить.

– Да эта твоя влюбленность выбила все твои мозги напрочь! – возмущается Джери и откидывает свое тело обратно на вельветовое кресло.

– Я не влю... – не успеваю я договорить, как Джерард меня перебивает – Не тупи, дружище. Найми сыщиков, достань про неё всю информацию. Разузнай что да как. Так гляди и разочаруешься в ней. Узнаешь всю историю если не от и до, то хотя бы для общего понимания сути.

И правда, как я до этого сам не додумался? Порой к самым простым решениям нас подталкивают другие люди. Надо им сказать за это спасибо. В Данном случае Джерарду. Спасибо. Но я вовсе в нее не влюблен! Когда до него это уже дойдет?

– Ладно, давай развлечемся! Не зря же мы сегодня тут собрались. – произносит Джери и подзывает официантку. Он понял, что сегодня я все-таки решил забыться.

Ну, наконец-то до него дошло!

Мы пьем виски, чувствуя его восхитительный вкус, и наслаждаемся настоящим искусством стриптиза. Я так много выпил, что у меня кругом идет голова, и перед глазами смешиваются огоньки прожекторов. Обычно такого не бывает. Кажется, Джери мне что-то подмешал.

– Рени! – обращается ко мне Джери. – Как на счет того, чтобы продолжить наше веселье на одной из частных вечеринок?

– Нас же никто не звал! – я пытаюсь перекричать звуки громкой музыки.

–Рени, дружище! Мы везде желанные гости! – кричит Джерард, расставляя руки в разные стороны на слове «езде».

– Ок! Только мне нужно зайти кое-куда.

– Я буду в машине!

Вид из окна машины потрясающий. Дорога пустая и я вижу, как на огромной скорости мимо проносятся сотни уличных фонарей, сливаясь в несколько ярких линий. Линии эти, словно соревнуются между собой, переплетаются и уходят куда-то вдаль. Они мельтешат перед глазами, погружая меня в раздумье.

Сначала я задумываюсь о жизни электрического света, о том, что он, как и человек, и любое другое существо живет, когда его поддерживает питание и умирает, как оно прекращается. Только вот в отличие от человека, свет может возрождаться, если опять появляется питание. А человек, если уходит в другой мир, то уходит уже навсегда. Эти мысли прерывают другие, а затем и следующие. Наверное, это на меня влияет алкоголь и быстрая езда. Мои здравые мысли уже давно ушли на задний план.

В голове всплывают воспоминания о том, когда я узнал,

что родители пропали. В течение 5 лет мне приходилось прятаться у родителей Джерарда. Иногда я ночевал в собственном опечатанном доме. Никто не должен был знать о моем существовании, моя жизнь стояла под угрозой. Мое общение ограничивалось семьей Джерарда. Лишь им я мог довериться. Спустя пять мучительных лет, я вновь увидел своих родителей, которые вышли на связь именно с ними. Они знали, что Бреттоны, семья моего друга, обязательно за мной присмотрят. Так оно и случилось – здесь они не ошиблись, и мы зажили вновь нормальной жизнью.

Как же счастлив я был, когда встретил их. Семья – это самое ценное, что есть у человека.

Пока я задумался, мой друг Джери кокетничал с кем-то по телефону. Видимо, сегодняшнюю ночь он не хочет проводить один в постели. Хотя, судя по программе, которую он мне уже успел описать, дома мы в лучшем случае будем к утру.

Свет фонарей все так же стремительно пролетает у меня перед глазами. Я вовсе не могу сфокусироваться. Они всё сплетаются быстрее и быстрее с каждой секундой, становясь одним целым. Одной толстой, желтой полосой, ничего не значащей в этом мире.

Внезапно резкий толчок! Я ударяюсь головой о стекло.
Что это, черт, произошло?

Машину со свистом несет в сторону обочины. Она скользит как на льду. Водитель пытается сначала вырулить, а по-

том затормозить, но безуспешно. Мы ведь ехали на большой скорости. И машина, которая въехала в нас, кажется, тоже... Я оборачиваюсь и вижу, что Джерард, сидящий рядом со мной, стукнулся и потерял сознание. У него на голове кровь. *Вот, блин, и у меня тоже!*

На нас перевернулась другая машина. Я пытаюсь пошевелиться, но делаю это с трудом. С моей стороны выйти невозможно. Все прижало. Я пытаюсь переползти на сторону Джерарда, но мою ногу зажало. И она, кажется, сломана. Я вижу, что водитель и Джерард пострадали гораздо больше меня. Я вижу только руку водителя, и она вся в осколках. Боже, его рука похожа на месиво. Вид отвратительный. Самого его зажало со всех сторон. Надеюсь, они еще живы и их можно спасти. Я дергаю застрявшей ногой, но никак не могу её высвободить. Дергаю еще раз. И еще раз.

—Аааааа!... Как же больно!

Надо выбираться. Я собираюсь с силами и пытаюсь еще раз дернуть, только уже сильнее.

—Раз... два... три...!!! — считаю я и со всей силы вытаскиваю ногу.

Да! Получилось!

Я перебираюсь на сторону Джери и пытаюсь открыть дверь. Слава Богу, это у меня занимает не очень много времени. Я, весь в крови, со сломанной ногой и весь в ушибах, пытаюсь вытащить Джери. Да он весит целый центнер! — замечаю я. — Придется его оставить так.

Между делом я вызываю скорую помощь. Водителя у меня не получается достать – его слишком сильно прижало. Боюсь, что сделаю только хуже. Я решаюсь заглянуть на психа, сидящего в другой машине.

Каким надо быть придурком, чтобы так врезаться? Отдохнули, блиин! – я весь в не себя от ярости. Ударяю со всей силы кулаком по остаткам машины. Кажется, это были последние силы. Я падаю.

Я слышу звуки сирен. Подъезжают полиция, скорая помощь и кажется пожарные... Все как в тумане. Все суетятся.

Обессиленный, я лежу на асфальте и не могу пошевелиться.

Через некоторое время я вижу кучу людей, столпившуюся вокруг меня и где-то немного дальше.

Мимо меня проносят носилки: сначала с Джери, потом с нашим водителем, потом еще с каким-то мужиком, потом еще один мужик... Стоп! А этого я где-то уже видел... а потом она.... Она в сознании и что-то пытается говорить. Но ничего не разобрать. Она в крови. Это точно она, я тогда не ошибся, встретив ее на улице. Неужели она находилась в другой машине? Начинается суeta врачей вокруг неё.

Раздаются громкие крики, отвлекая от слышимых рыданий и сплетен вокруг. – Мы её теряем. Быстрее, быстрее...!

Нет! Не может быть. Это она.

Кайе

Я открываю глаза и ощущаю, как ко мне прикреплены провода, с помощью которых на экране аппарата показано мое состояние. Сердце, судя по приборам, бьется нормально. Я не врач, но это любому студенту понятно. Моя сломанная нога загипсована. *Когда они успели?* Рядом стоит капельница, из которой в мои вены течет лекарство. Возможно, глюкоза, а может быть и что-то посерьезнее. Я не медик, поэтому не разбираюсь. Я так обессилел, что с трудом могу пошевелиться.

Оглядываюсь по сторонам. Кроме меня в этой палате больше нет пациентов. Слева от меня, на стуле, сидит моя мама. Она выглядит неряшливо, и её лицо кажется заплаканным. Наверное, она пробыла тут очень долго. Кажется, она заснула, прямо на стуле. Я еще раз оглядываю комнату: Белые пустые стены, одна моя «кровать», окно с жалюзи позади мамы, небольшой светлый шкаф и различная аппаратура. Ничего особенного в этой комнате нет. А её цвет и пустота лишь нагнетают обстановку. От моих шорохов, чуткий сон матери прерывается.

— Милый, ты пришел в себя! — с волнением в голосе говорит моя мама и хватает крепко меня за руку — Мы так волновались! Как ты себя чувствуешь?

— Мам, да всё хорошо. Как ты? Где папа?

– Я отправила его домой отдохнуть. Ты же знаешь его, он готов сидеть тут до посинения. Отец твой сказал, что «заскочит» домой, чтобы привести для тебя чистые вещи. А со мной все хорошо... Мы так волновались! Как же я рада, что с тобой все хорошо! Ах! Сыночек, сыночек ты мой...! Надо позвать врача и предупредить его, что ты очнулся.

Я лишь киваю. Мама вскакивает со стула и выходит в дверь. Из-за двери раздается её звонкий голос:

– Мой мальчик очнулся! Врача, позовите врача!

Когда мама возвращается, она садится на свое прежнее место и с ласковой улыбкой и полной надежды глазами смотрит на меня. Я чувствую, как ее уже слегка морщинистые руки гладят меня по голове.

– Мам?

– Что сынок? – с тревогой в голосе спрашивает она. – Что-то болит?

Я чувствую себя маленьким мальчишкой. Мне нравится это милое чувство.

– Нет, я чувствую себя хорошо. Давно я тут?

– Нет, милый, третий день только. Тебе повезло.

– А как другие? Все живы?

Сейчас меня волнует именно это.

Она отворачивает глаза, раздумывая, что сказать.

– Мам, как Джерард? Он жив? – с тревогой спрашиваю я.

– Да, сыночек. Джерард жив... Вчера он пришел в себя. У него очень много ушибов и небольшое сотрясение мозга.

Врачи уверяют, что он будет в порядке.

– Он здесь?

–Его палата находится не сильно далеко от твоей. Так что, когда поправитесь, можете навещать друг друга. – улыбаясь, сказала мама и погладила меня по голове. Совсем как маленького. Хм.

–А где именно? – я всё никак не мог успокоиться. Джерард мой друг. Мой лучший друг.

–Врачи тебе подскажут, Рени. Только не переживай. В таком состоянии тебе нужно больше отдыхать.

Да. Она права. Если с ним все хорошо, то можно успокоиться.

Я с облегчением вздыхаю и понимаю, что всё уже позади. И тут в мой разум врываются очертания черных глаз, глубоко всматривающихся в меня. Затем, как будто удаляясь от этого образа все дальше, я вижу маленький нежный нос, слегка пухленькие, сочные губы, я вижу лицо девушки. Золотистые, слегка накрученные волосы которой аккуратно спадают на плечи и на ее упругую, приподнятую грудь. В воспоминаниях возникает ее образ... Сначала игривую в нижнем белье, потом роскошную даму в красном обтягивающем платье, а затем измученную девушку в крови, кровавые руки которой безжизненно свисают с кушетки... Да уж, такого контраста никому не пожелаешь.

–А девушка? Была девушка? С ней все в порядке? – пытаюсь вскочить, произношу я, но провода мне мешают встать.

В голове остался лишь один образ – последний.

– Да, сыночек. Успокойся. – она приостанавливает меня рукой, укладывает и поправляет провода, прикрепленные к моему телу. – Была... Ты её знаешь? Ты был с ней?

– Я... Ээ... – не зная, какие слова подобрать, я бормочу себе под нос, но мама, словно не замечая этого, к моему счастью продолжает сама:

– Врачи не могут найти её родственников. И продолжить лечение. Ты обладаешь какой-нибудь информацией о ней? Я хотела тебя спросить об этом чуть позже, но раз ты сам начал, то нет смысла откладывать.

– Нет... Видел её пару раз... Я должен ей помочь. – наконец смог сформулировать я.

– Мы поможем ей. Обязательно поможем.

Я смотрю на маму, вижу в ее глазах нескончаемую заботу. Ее руки плавно продолжают гладить меня по голове, и я думаю, как же мне с ней повезло. Тонкие лучи солнца, проскользнувшие сквозь щели жалюзи, прямыми линиями падают на ее, местами поседевшие волосы. Она старается их подкрашивать, но у корней седина вновь выступает. Я внимательно ее оглядываю. Проступавшие морщины на ее теле и руках, не говорили о ее старости, а отражали жизненный опыт и мудрость. Складки на руках говорили о трудолюбии, морщины у губ об оптимизме, который был с ней, возможно и в трудные годы ее жизни, морщины у глаз говорили о глубоко понимании. Казалось, женщину, прожившую больше

50 лет, можно прочитать целиком, просто глядя на выступавшие морщины на ее теле. Но это не так. У женщин всегда свои загадки. А уж сколько их у матерей... Я в этом уверен.

Она смотрит на меня, будто понимает все мои мысли, но ответить ей на это нечего. Она не виновата, что жизнь с каждым годом забирает частички её прежней красоты и счастливой молодости.

—Мам.

—Да, Рени. Что ты хочешь сказать?

—Я знаю, что давно тебе этого не говорил... Но... — почему-то самые важные слова всегда так трудно сказать, но я решил не сдаваться, — Я тебя люблю. Ты лучшая, мам.

—О, Рени. Я тоже очень тебя люблю, мой мальчик!

После этих слов наступает неловкая тишина и я вижу, как мама волнуется, не зная какие слова подобрать, чтобы вернуть беседу в прежнее русло. От волнения и неловкости, она мотает головой в разные стороны. Она делает вид, что рассматривает комнату, а пальцы ее правой руки жадно перебирают пальцы на левой. Мне вовсе не хотелось, чтобы наш разговор пришел к этому, поэтому я решаюсь на то, чего давно боялся. Мне есть что ей рассказать, и кажется, сейчас самое время.

— Она была в нашем доме, когда вы были на Санторини. Правда, если признаться, то я думал, что никогда уже вас не увижу. Я думал... вы... нам... придется расстаться навсегда...

– Ох, не надо... – мама крепко прижимает мою руку к своему лицу и начинает горько плакать. Моментами всхлипывать.

– Со мной все хорошо, слышишь? – я слегка трясую её плечи, чтобы привести в себя, нежно целую в щеку и глядя ей прямо в глаза улыбаюсь, чтобы показать, что все хорошо. – Мы уже говорили об этом. Я сам во всем виноват. Эта была вынужденная мера. Сейчас я хочу поговорить не о вашей или моей вине, а о том, что я видел. Точнее кого.

– Да, да, сыночек. – она успокаивается и краем рукава вытирает слезы со своих ресниц. – Продолжай.

– Так вот. Я не знаю, почему она и еще одна девчонка были у нас дома, но тогда... – тут я понял, что не нужно рассказывать абсолютно все, что случилось, – Мне это интересно, мам. Я хочу узнать, что произошло. Хочу, помочь. – спокойно продолжил я, как будто так всё и планировал сказать.

Мама пристально на меня смотрит. Кажется, она немного шокирована такими новостями. Я не хочу ей рассказывать всего. Например, как я очнулся связанный. Нет, уж точно не это.

– За несколько дней до аварии я случайно встретил её на улице. Она красивая (о нет, я не хотел этого говорить). Я видел её всего несколько раз и даже не говорил с ней. Может быть она была там случайно, а может... Может она наш ключ от двери, за которой спрятаны ответы на давно волнующие вопросы.

– Сынок, я не хочу тебя расстраивать, но ты не думал, что ваши «случайные» встречи и все эти происшествия могут быть связаны? А сейчас... Ты недавно её встретил и вот лежишь на больничной койке, пережив сложную операцию. Да и ты такой хороший парень у меня. Нет, я не думаю, что тебе стоит заводить с ней знакомство. Подумай, пожалуйста, над моими словами.

– Мам, она была тогда совсем девчонкой. А вторая еще младше – лет 7 или 8...

Обдумав мои слова, она продолжила:

– Хорошо, милый. Мы с отцом не будем тебе мешать, но, пожалуйста, будь осторожен.

– Хорошо, мам. – Я нежно поцеловал ее в руку, которая лежала у меня чуть ниже груди. Мама в ответ мне улыбнулась, но в этой улыбке читалось беспокойство. Я закрыл глаза и упал в тишину.

Тишину прервал мужчина в белом халате, переступивший порог моей палаты.

– Как вы себя чувствуете, месье Кайе? – спрашивает седоватый мужчина преклонного возраста. На вид ему лет пятьдесят.

– Спасибо, очень хорошо, – отвечаю я.

– Сынок, я поеду домой. Папа к тебе еще заедет. Может быть Мари позвонит. Она очень обеспокоена. – вставая, проговорила мне мама. – Позаботьтесь о нем. – обратилась она к врачу, затем послала мне воздушный поцелуй и незаметно

вышла из палаты, слегка хлопнув дверью.

Этот мужчина оказался моим лечащим врачом. Еще в течение получаса он меня осматривал и задавал различные вопросы. Все это он куда-то записывал. Мужчина он оказался очень простодушным. Со мной он был добр и рассказал даже пару веселых историй из своей врачебной жизни. День был полон на разговоры.

– Вот представляете, месье Кайе, мне приходилось ездить к ним на дом каждый Божий день! И всё для чего? Я думал, их дочь серьёзно больна! Я втирал ей специальные мази, по просьбе её родителей читал ей книги и водил гулять. Да я был ей нянькой, в конце концов! Хотя в свои двадцать восемь лет я являлся достаточно востребованным и квалифицированным врачом! Правда, не могу жаловаться – доплачивали мне хорошо. – Добавил он, довольнo улыбаясь и медленно глядя свою седую бороду.

– Так что же, она не была больна? – мои брови приподнялись.

– И вовсе не была. Представляете, месье Кайе? – старик говорил, возмущаясь, и размахивая руками в разные стороны. – Видите ли, я ей приглянулся, и она желала, чтобы я каждый день посещал её. Да не просто посещал, а уделял ей максимум своего времени. Её родители заплатили немалые деньги главному врачу для того, чтобы тот посылал меня к ней. Я конечно же ничего не знал, а лишь выполнял то, что

мне говорили.

—Как вы узнали?

— Случайно подслушал разговор. — на выдохе произнес старик.

—Анализы вы разве не видели? Или историю болезни? — спросил я, но тут же пожалел об этом. Это задело старика, но он все равно мне объяснил:

— Мне тогда не дали на них взглянуть, просто сказали, что делать. А кто я такой, чтобы не доверять главному врачу? Мази конечно же были не настоящие, обычные косметические крема. Но я-то верил, дурак! Хотя и сомневался иногда, но большие деньги, видите ли, убирают всякие сомнения...

— А что же вам девушка не понравилась? — удивился я.

Старик ходил передо мной то вправо, то влево. Осмотр он свой давно уже закончил, но ему натерпелось с кем-нибудь поделиться своей историей. Возможно, я был не первым, кто ее слушает, но меня это абсолютно не волновало. История-то была интересная.

— Девушка была довольна неплоха. Высокая, стройная, пышногрудая. Но не для меня она. Я свою настоящую любовь встретил двумя годами раньше. И не поверите, никому мне кроме неё не нужно было. Вот такая любовь была. — на этих словах он остановился и его взгляд замер на окне.

— И как я узнал про эту аферу, так сразу же все высказал главному врачу. «Увольняйте!» — говорю я ему. «Я всё знаю и хочу работать по специальности». Меня ценили в больни-

це, и поэтому не уволили. А на следующий год у меня родился сын. Я самый счастливый человек на Земле – смело заявил старик и его глаза засияли как алмазы.

– А что с той девушкой стало?

– Да Бог его знает. Вроде ходили слухи, что она себе другого врача нашла. А потом с ним в Германию жить уехала. Но мне, честно говоря, не до слухов было. – его глаза опять засияли, и я понял, что он опять вспомнил рождение сына.

Время пролетело незаметно и очень интересно. Старик рассказывал мне истории своей жизни, а я делился своими планами на будущее. Он выписал мне уколы два раза в день и некоторые таблетки.

– Скажите, а как та девушка, которая тоже пострадала в аварии? – поинтересовался я как бы невзначай.

Мысли о ней так и не выходили из моей головы.

– Она сейчас без сознания и ей требуется сложная операция. Нужно разрешение на операцию и конечно деньги. Куда же без них. Но её родственников так и не удалось разыскать. Почему вы спрашиваете, месье Кайе? – мой вопрос его вовсе не разозлил, а наоборот, на его лице читался большой интерес. Он понял, что та девушка для меня что-то значит.

– Ренард. Называйте меня просто Ренард. – вежливо попросил я.

Старик кивнул мне в знак благодарности и доверия.

– Я хочу помочь этой девушке. Я оплачу её лечение. Ведь это возможно? – продолжал я.

– Конечно, месье Ренард. Вы очень добрый человек. Осталось получить разрешение. Вы ей не родственник случайно?

– Нет, не родственник... А если у нее нет родственников? Что тогда делают с людьми, чьи родственники не объявляются или их нет? – На тот момент меня очень волновал этот вопрос, ведь наверняка были похожие случаи. От возросшего интереса мышцы на моем теле напряглись, и я почувствовал небольшую боль в некоторых участках тела. Последствия аварии еще будут долго давать о себе знать.

– Вам не о чем волноваться. Если операция будет оплачена, то все гораздо легче. Мы еще пару дней подождем, и, если никто так и не объявится, мы дадим вам знать. – Он хлопает меня аккуратно по плечу и выходит из палаты.

Я, честно говоря, ничего не понял, но выглядел он убедительно.

Когда старик уже вышел из палаты, а я остался совсем один, до меня вдруг дошло, что я так и не удосужился узнать ее имя. Совсем забыл.

Через несколько дней, я чувствовал себя уже гораздо лучше. Мне разрешали вставать с кровати, и я мог свободно перемещаться по больнице. Правда, приходилось пользоваться костылями. Меня перевели в палату в два раза больше моей предыдущей.

Новая палата была очень просторной. В ней было большое окно, где рано утром можно было наблюдать прекрасный ро-

зовый рассвет, а вечером – красный закат. На окне висели небольшие шторы, которыми можно было закрывать окно, чтобы свет не будил по утрам. Но мне нравилось, когда назойливые лучи утреннего солнца, ласкают мое тело, поэтому шторы я никогда не закрывал. В комнате также висел большой плазменный телевизор, которым я никогда не пользовался. Но иногда приходили больные из других палат, чтобы посмотреть футбольный матч. И практически выздоровевший Джерард с ними. Он выглядел уже совсем здоровым. Они удобно устраивались на моей койке и пристально следили за тем, как футболисты пинают мяч из стороны в сторону. Я был совершенно не против.

Вообще, я не огромный любитель футбола, но мне нравилась атмосфера единого духа, которой наполнялась моя палата вовремя матча, ведь все собравшиеся здесь хотели лишь одного: чтобы команда, за которую болели – выиграла. Из палаты часто слышались крики и возгласы. Врачи не раз приходили ругать нас, иногда разгоняли обратно по своим комнатам, но через пару минут мы, как малые дети, опять все собирались у телевизора. Возгласы продолжались, хоть мы и старались вести себя тише.

– Сюда бы пива, да ребят? – громко спросил мужчина лет 40 с выбритыми висками.

– Да! Конечно! Полностью согласен! – слышалось с разных сторон.

Все сделали жесты, будто пьют невидимое пиво. А потом

по всей палате раздался громкий хохот.

Сегодня в моей палате так много собралось людей, что места нет даже на полу, не говоря уже и о кровати. Я решил уступить свое место одному худощавому старику с пронзительными серо-голубыми глазами, немного вытянутым лицом и длинными усами, кончики которых немного даже закручивались. Он с явным упорством старался пролезть мимо мужиков и куда-нибудь присесть, но его везде выгоняли.

– Пожалуйста, садитесь сюда! – сказал я ему и уступил свое место.

Он кивнул мне с явным восторгом, что ему удалось найти место, поблагодарил меня и уселся на край кровати.

Пробравшись через толпу и захватив свой костыль, я отправился бродить по ночным опустевшим коридорам больницы, длинные стены которых навеивали мне странные мысли. Думал я, конечно же, о ней.

Я шел медленно, опустив голову и смотря в пол. Настроения у меня не было, последнее время мрачные мысли посещали меня все чаще и чаще. Вдруг я услышал чей-то разговор. Слова непонятны. Я подошел немного ближе и приостановился:

–Состояние не улучшается. Не думаю, что она выйдет из комы. – слышался чей-то женский голос

– Зое, ты ведь знаешь, мы должны сделать все, что в наших силах. Тем более её лечение полностью оплачивается. Да и она кажется сильной девушкой. Она справится. – отве-

чает мужской низкий голос.

– Да, знаю... Мне её так жаль. «У неё ведь никого нет», — грустным тоном говорил женский голос и в нем было слышно огромное сочувствие. — Вчера приходила её сестра — принесла все нужные документы и весь день просидела рядом с ней. Я слышала, как она молила Бога помочь им справиться с неприятностями. Сестре её всего тринадцать.

– Извините — вмешался я в разговор

– Что вам нужно, мужчина? Почему вы не находитесь в палате в столь позднее время? — Возмутился на меня высокий мужчина в белом халате и с зачесанными на бок черными волосами. На его бейдже я прочитал «АкеноТанака». По виду и по имени он японец.

– Я случайно подслушал ваш разговор... и... — я смущаюсь, когда выговариваю эти слова.

– Мне бы хотелось у вас кое-что узнать. Я Ренард. Кайе Ренард. Совсем недавно я попал в аварию. В этой же Аварии пострадала молодая девушка, вы не о ней случайно сейчас говорили?

– Все может быть, Кайе Ренард. Я правильно называю вас? — я кивнул в знак подтверждения и врач продолжил — но это вас не касается. Вы же не родственник, правильно? — С презрением договорил он. Он явно чувствует себя выше обычных больных.

– Мне всего лишь хотелось узнать, как зовут ту девушку? — резко выпаливаю я, и пристально смотрю в карие глаза док-

тора Танака. Не хотелось ссориться с кем-то в больнице, поэтому я вел себя максимально вежливо.

– Мы не распространяем информацию о своих пациентах, – нервно вздергивает он.

– Я оплачиваю её лечение. И я хотел бы знать её имя. – Теперь я стал более настойчив и очень серьезен. Я по-прежнему не отрываю своих зеленых глаз от его карих.

Чувствую я себя глупо, но что поделать, если до сих пор не удосужился узнать имени? Лечение ее оплатил мой отец от моего имени, а имя ее спросить у него я забыл. Сам он, наверное, подумал, что я и сам всё знаю.

С минуту Доктор Танака молчит, затем опускает свои глаза в пол. Он разворачивается и машет правой рукой:

– Пройдемте за мной! – говорит он мне.

– А ты, Зое, оставь нас пожалуйста, – добавляет он милой зеленоглазой девушке, которая до прихода меня с ним разговаривала.

Мы идем через длинные мало освещённые коридоры больницы.

Я заметил, что доктор Акено Танако слегка шаркает ногами. А своей левой рукой он постоянно машет вперед – назад. Как будто идет быстрым шагом, при этом помогает себе рукой, но на самом же деле наш шаг не такой быстрый. Да он вообще не быстрый. Возможно, он махал бы и правой рукой, но в правой руке у него какие-то важные документы. Наверное, истории болезней. Он их прижал к своей груди,

согнув правую руку в локте. Вид у Акены немного удрученный. Наверное, он давно не был в отпуске. Я прихрамываю следом за ним.

– Вы уж, простите, что был с вами немного грубоват – обратился он ко мне, – просто много работы. Я не знал, что вы тот, кто оплачивает лечение этой девушки. – Говорил он уже вежливо и еле слышно.

– Ничего страшного. Я понимаю, у вас много работы и много больных – всех не упомнить.

– Да. Пройдемте сюда – свободной рукой он указывает мне на поворот.

Своим неторопливым шагом мы преодолеваем еще несколько коридоров. Поднимаемся на лифте еще на два этажа и выходим в хорошо освещенную комнату. Затем мы сворачиваем в другой коридор. Проходим мимо несколько дверей и останавливаемся у следующей.

Доктор Танака берется за ручку, но дверь не открывает.

– За этой дверью находится та самая девушка. – начинает Акено Танака. – Я не должен был вас приводить сюда. Ведь на сколько я понял, вы не знакомы. Но я вижу, что она вам не безразлична. Поэтому, я сделаю одно исключение для вас.

Сейчас доктор не выглядел таким нервным, как изначально. Возможно, он чувствовал себя виноватым.

Я пристально смотрю на него.

Он отворяет дверь, и я вижу, как в темной комнате, освещенной лишь лампочками медицинского оборудования, на

больничной койке лежит та самая девушка, только сейчас она очень бледная, её темные волосы безжизненно раскиданы по подушке. На её лице кислородная маска и тот же прибор с проводами, на котором показано состояние сердце. От него тоже идет свет.

– Вчера мы сделали ей операцию. Её организм восстанавливается. Я думаю, в скором времени она должна прийти в себя. Я думаю, она сильная девушка, так что, может через пару недель или максимум через месяц она будет в норме. – спокойным низким голосом говорит врач Акено.

На его лице читается сосредоточенность.

– Некоторые врачи по непонятным причинам сомневаются в этом, но они ошибаются. Не верьте им.

После этих слов он отворачивается и медленно чешет свою голову, словно над чем-то раздумывает.

Я медленно еще раз всё оглядываю, и мой взгляд останавливается на ней. На её безжизненном бледном лице. Выглядит она очень измученно.

– Я думаю, могу вас оставить на несколько минут. – в итоге добавляет он.

– Да, спасибо! Очень благодарен! – Я сжимаю его хилую руку в крепком рукопожатии. Я очень ему благодарен.

– Только, пожалуйста, ничего не трогайте – добавляет он. Я киваю.

Доктор разворачивается, открывает дверь, и не успев выйти за порог палаты, я окрикиваю его:

–Доктор?

–Да? – спрашивает он меня немного испуганно.

–Как её имя? Вы мне ведь так и не сказали.

Доктор Танака начинает перебирать листы в его руках.

Найдя нужное дело, он с удивлением смотрит на меня.

– Её зовут Авелина. Авелина Кайе. – говорит мне доктор.

–Как, как её фамилия? – испуганно переспрашиваю я.

–Кайе. – сердито отвечает доктор, явно недовольный тем, что я переспросил. Все-таки ваша родственница?

Сердце опускается в пятки. Я в шоке.

Я осмотрел еще раз палату. Верить в происходящее мне совсем не хотелось. Это было больше похоже на странный сон, чем на реальность. Однако всё это на самом деле. Эти мерцающие лампочки приборов тоже реальны. Я решаюсь подойти к ней ближе. Глаза ее закрыты, и я не вижу цвет ее глаз. Каким он был? Зеленым? Или может голубым? Карим? А может цвет ее глаз сочетал в себе несколько оттенков... Я не раз рисовал себе ее образ в воображении и... Он был карим. Точно. Таким темным, что я тонул в этой неизвестности. И как я мог забыть? Нет, я не забыл. Я всё помнил.

Идя обратно, я не раз думал, что может быть, это даже забавно, что у нас одинаковые фамилии, но на всякий случай решил поговорить с родителями при встрече. И все-таки

странно складывалась моя жизнь с тех пор, как я встретил ее. Может Джерард прав, и я действительно к ней испытываю чувства? Сложно понять. Я попытался вспомнить испытывал ли я к кому-нибудь сильных чувств, был ли я вообще влюблен в кого-то ранее? Скорее нет, чем да. Знаю ли я что такое любовь? Это мне предстояло выяснить.

Ты когда-нибудь влюблялся?

Прошло пару недель.

В полной тишине я лежу на своей койке и разглядываю цветы от родителей, других родственников и друзей. Некоторые от моих подчинённых. Наверное, хотят повышения. Это прекрасный повод показать мне, какие они заботливые.

Недавно ко мне заглядывал мой водитель Арно. Он выглядел уже очень хорошо, не считая его руки, которая во время аварии была похожа на месиво. Я думаю, у него останутся шрамы. Его молодая жена Изабель, недавно приехавшая из командировки, ничего не знала об аварии и была ужасно раздражена тем, что Арно ей ничего об этом не сказал.

Я помню, мне довелось случайно встретиться с Изабель. Произошло это в апреле год тому назад. Уже почти полтора. В этот день ужасно светило солнце и от этого было очень жарко. Не помню, когда еще в апреле было так невыносимо жарко, как тогда. У меня была встреча в ресторане. Это, наверное, самый старый ресторан Парижа, но оно до сих пор пользуется большой популярностью.

Так вот, в тот день у меня была встреча с иностранными партнерами по поводу их инвестиции в мое дело. Хотелось расширить свое дело.

Мы устроились в одном из залов с проектором, который отображал план открытия филиалов в различных городах.

Что мне нравится в том кафе, так это то, что на стенах висят портреты, которые придают ресторану богатый и изысканный вид. Ну и, конечно же, их кухня: курица в вине, пугассу, блюда из морепродуктов, различные десерты, в особенности мусс с Амаретто и карамелью, и многие другие блюда.

С минуты на минуту Арно должен был привезти переводчика, для переговоров. На пару минут я оставил инвесторов и вышел из зала.

– Он не приедет. – буквально в последнюю минуту произнес Арно и глаза его потупились в пол.

– Как это не приедет? Ты ж должен был его привезти! – кричал я и тыкал в него пальцем. Я ощущал себя бандитом, который загнал в угол маленького мальчишку.

Арно не произносил ни слова. Он неподвижно стоял. Было заметно, как двигались желваки на его скулах.

– Если через двадцать минут ты не найдешь мне переводчика – уже сбавляя свой грозный темп произносил я – я уволю тебя к чертовой матери! – тихо прорычал я, схватившись сначала за воротник его белой рубашки, а затем медленно отпустив.

Вообще у нас с Арно были очень хорошие отношения. Он достаточно долго работал у меня и уже привык к моим всплескам ярости. Несмотря ни на что, он очень дорожил этой работой.

Ровно через двадцать минут, в зал зашла немного напу-

ганная белокурая стройная девушка с маленькой грудью. На ней был надет черный, атласный пиджак, из-под которого виднелась светло-розовая рубашка и широкие классические брюки того же материала. Они идеально сидели на её бедрах и попе. Волосы её были платинового оттенка, а глаза чем-то походили на кристаллы алмаза, отливающие серыми оттенками.

И где Арно её только нашел? За двадцать минут-то. – тогда подумал я.

Девушка оказалась отличным переводчиком и прекрасным собеседником, который немного понимает в бизнесе. Единственный её минус был в том, что она была ужасно неуклюжа и замкнута вне работы, по крайней мере, для малознакомых ей людей.

После заседания с иностранными «друзьями», мы вместе вышли на улицу.

Она радостная подбежала к Арно и поцеловала его в щеку.

– Привет. – радостно произнесла она и стерла красную помаду с его щеки, которая осталась после поцелуя.

– Я на работе. Не отвлекай меня. – еле слышно произнес ей Арно, а затем испуганно перевел взгляд на меня.

Тут стало все понятно. Это была его девушка Изабель, – тогда подумал я. И оказался почти прав. Почти – потому что Арно мне сказал, что они уже женаты. То, как они познакомились – это уже совсем другая история.

Про себя я позавидовал Арно, что ему удалось найти такую прелестную и милую девушку. Но какие мои еще годы? Тем более она была блондинка – мысленно уговаривал я себя.

Сейчас, по словам моего водителя Арно, она была очень нервной и обеспокоенной. Если только представить: низенькая, худенькая, нервная блондинка с маленькой грудью. Моя зависть переросла в сожаление. Надеюсь, у них все наладится.

Но об этом я подумаю в следующий раз. Последние две недели меня беспокоит другое.

Мой взгляд направлен в одну точку.

Каждый день я успокаиваю себя мыслью о том, что та девушка всего лишь моя однофамилица. Ведь фамилия не такая уж и редкая, наверное. В школе у меня одноклассник был с такой же фамилией.

Недавно заходили родители и моя сестра Мари, они все дружно меня убеждали в том, что никакой сестры у меня нет, и не было никогда.

– Да как ты так можешь думать про нас? Разве мы тебя когда-нибудь обманывали? – нервно спрашивала мама, явно недовольная моим вопросом. – Вы с Мари у нас единственные дети. Мы вас очень любим.

Мама выглядела гораздо лучше. Лицо выглядело свежим и без мешков под глазами.

– Да, сынок. Вы и правда у нас единственные. – поддакивал мой папа.

Он практически всегда соглашался с моей мамой, потому что очень любил её и не хотел, чтобы они когда-нибудь из-за незначительного пустяка расстались. Ему легче было во всем с ней соглашаться. Многие может и считали его слабохарактерным, но только не я. Чтобы порой терпеть мою маму надо иметь стальные нервы. Именно такими он и обладал.

– Я говорила тебе, что эта девушка ничего хорошего не принесет. От неё одни неприятности. – возмущалась моя мама.

– Мам, ну зачем ты так?

Я был в полном отчаянии.

– Ну а что? Мы сейчас чуть все не поссорились из-за нее, и ты, уже было почти, потерял наше доверие.

– Луиза, милая, не драматизируй. Она же не виновата в том, что у нее такая же фамилия. – Пытался успокоить её отец.

– Оливер! – окрикнула его мама, чтобы тот прикрыл свой рот и помолчал.

Папа просто отмахнулся рукой.

– Рени, ну она, правда, не твоя сестра! – восклицала вновь мама.

Что ж, поверю им. Одинаковые фамилии ведь действительно не редкость.

Я помню вид Мари, когда я спросил про сестру. Она и

сама перепугалась и была в полном шоке. Помню, как на мгновение она замерла, и её темно-серые глаза излучали ужас. Мне кажется, она чувствовала тоже, что и я. Её стройное тело охватила дрожь. Неужели родители нас обманывали столько лет?

Нет, по словам месье и мадам Кайе – не обманывали. Мы с Мари, осознав всю нелепость происходящего, безоглядно им доверяли.

Сама же Мари невысокого роста: где-то сто шестьдесят пять сантиметров. С кудрявыми каштановыми волосами и серыми глазами. Родились мы с ней в один день, правда, я на несколько минут пораньше. Внешне похожи мы мало, если только цветом волос. Мы с ней двойняшки.

До определенного возраста мы с ней были очень дружны. Многие привычки у нас были одинаковыми. Потом, мы повзрослели, нам понадобилось личное пространство. У неё появился первый парень, у меня моя первая девушка. Правда, иногда, когда кому-нибудь из нас было плохо, мы засыпали в одной спальне. Просто засыпали, повернувшись друг к другу спиной. Чтобы не чувствовать себя одинокими.

Был даже случай, когда она среди ночи, сбежала от своего очередного ухажера и приехала ко мне. Хотя я находился на другом конце города. Тогда мы уже жили в Париже. Но её это вовсе не волновало. Как маленький ребенок, она побросала туфли в разные стороны, нацепила мою футболку и спряталась у меня под одеяло, крепко прижавшись ко мне.

Рыжеволосая студентка, с которой я встречался некоторое время, и которая была у меня в ту ночь, в той самой постели, очень удивилась такому явлению. Я пытался ей всё объяснить, что это всего лишь моя сестра, но она психанула и ушла. Вот такая у меня сестра – Мари. Но я всё равно её люблю. Чтобы она не делала.

– Эй, дружище, скучаешь? – говорит Джери, распахивая со всей силой дверь моей палаты, так что она с шумом ударяется об стену.

Все вспоминая сразу же улетучиваются.

– Я принес нам пива! – Джери поудобнее усаживается на мою кровать. Я приподнимаюсь, чтобы было удобно пить.

Да, пиво – это то, что мне сейчас нужно. Я делаю большой глоток и ощущаю, как прохладная жидкость стекает по моему горлу. Чувство восхитительное.

– Джери, как ты его достал? В больнице это ведь запрещено. – порой, я поражаюсь его находчивостью. Этот человек, кажется, выживет даже в бермудском треугольнике. Причем у него там будет не только еда и место для ночлега, но еще и девочки. А когда ему там надоест, он сумеет выбраться оттуда самым изящным способом. Пока еще не придумал каким. Но этот человек горазд на многое.

– Ахах, дружище! Заплатил, мне его и привезли.

О да, деньги сейчас решают многое.

– А ты что тут скучаешь? Меня вот завтра уже выписывают. – хвастается он. – А Арно уже как два дня назад выпи-

сали. Ты тут один остаешься – подначивает он меня и слегка ударяет кулаком в плечо.

Вот странно. Мне казалось их состояние на момент аварии было куда хуже, чем мое, но выписывают их почему-то первыми.

Безобразие просто!

Я рад за них, конечно. Если их организм восстанавливается быстрее моего – тут они не виноваты. Как бы я им не завидовал.

Не один – всплывает в моей голове ответ, заставляющий меня задуматься еще больше.

– Джерард? – Обратился я к своему другу вполне серьезно.

– Что, Рени? Еще пива хочешь? – Он никогда не был серьезен и всегда улыбался.

– Нет, спасибо. У меня к тебе важный вопрос.

Джерард сначала очень удивился. Затем он понял, что я не шучу.

– Слушаю тебя. – произнес он медленно и спокойно. Это не было похоже на привычного мне Джерарда, однако, я точно нал, что это он.

– Ты когда-нибудь влюблялся?

Цвет пасмурного неба, предвещающего ясную погоду

Я не мастер рассказывать истории о любви, но я попробую.

Когда это случилось, мы уже были знакомы с Ренардом. Что тут говорить. Мы с ним знакомы с самых пеленок. Знакомы еще до того, как стали это осознавать. Но полностью эту историю он не знает. Надеюсь, что не узнает никогда.

Я был еще тогда мальчишкой, когда стал замечать, насколько она красива. Красивая не только внешне – так принято говорить в красивых историях. Но я говорю не потому, что принято, а потому что так оно и было. Она всегда была ко всем добра, всегда улыбалась, шутила и стремилась к чему-то большему. Некоторых это раздражает. Мне нравилось. Я влюбился в нее просто так, без причины. Возможно, потому что она была всегда рядом.

Меня зачаровывал ее немного резкий, но всегда веселый характер. Ее кудрявые до поясницы каштановые волосы. В ее светло-серых, как пасмурное небо, обещающее ясную погоду глазах, я всегда тонул и терял дар речи. Наверное, поэтому я боялся смотреть ей в глаза, когда мы общались. Наверное, поэтому, по умолчанию, не мог понравиться ей.

Однажды я посмотрел в них прямо, не отводя взгляд, как это бывало раньше. Я видел в них нечто большее, чем просто

зрачок, обрамленный радужкой. Я видел чарующую неизвестность. Она что-то спросила меня. Я как идиот не мог сказать ни слова. Невнятно что-то мычал. Казалось, жизнь во мне прекратила биться. Всё замерло. Она что-то мне сказала, но я не слышал. Мари посмеялась надо мной и убежала по своим девчачьим, никогда непонятым парням, важным делам. Для нее я был лишь смешным и глупым другом детства. Она для меня была той самой и единственной, с которой хочется быть всегда. Звучит, согласен, очень глупо. Но жизнь, она не полна только умных вещей. Случаются и глупые вещи. Маленький мальчишка влюбился в маленькую девчонку, с которой часто играл в прятки и догонялки, в которую стрелял из невидимого ружья. Девчонку, которая ответным выстрелом попала прямо в сердце.

Она всегда шла вперед. Я всегда шел за ней. Понимал ли я что значит любовь? Нет, но что-то непременно чувствовал. И теперь могу сказать, что именно. Потому что время всегда открывает нам глаза на правду.

Если вы думаете, что это всё, что я хотел рассказать, то вы ошибаетесь. Это лишь коротенькая предыстория. Скомканные чувствами мысли. Эмоции, которые всегда трудно сложить в красивые предложения, потому что, когда говоришь о любви, то все эти сложные предложения становится такой ерундой...

Пожалуй, пора начать свой небольшой рассказ.

Мне было 16, я все-также старался не смотреть ей в глаза при разговоре и казался ужасно стеснительным для нее. Такой я был только рядом с ней. Таким она меня считала всегда.

В этот день было солнечно. Моя семья и семья Ренарда и Мари, как уже не раз это делала, решили на уикенд выехать на природу. Было достаточно тепло для весны, поэтому было принято решение провести совместный отдых на природе.

Вокруг нас только лес. Мы на поляне, обрамленной вокруг стражами этого места – деревьями, тянущимися высоко вверх. К самому солнцу. Чарующий лес разнообразных оттенков зеленого, переливающийся под ярким, ослепительным солнцем. Прохладный ветер несется сквозь каждую веточку дерева, каждую травинку и каждый листик, пробуждая их от долгого сна. Я ощущаю ветер на себе: он ласкает мое лицо и обнимает аккуратно шею. А еще он шепчет. Ласково шепчет мне что-то в ухо. Я пока не могу понять, но возможно, в будущем, мне повезет. В этот день я просыпаюсь вместе с природой.

– Что читаешь? – осторожно спросил я, глядя на выглядывавшие из-под желтого ситцевого платья ее светлые колени. – Наверное что-то очень интересное?

– «Преступление и Наказание» Ф.М Достоевского. – как всегда серьезно ответила Мари и даже не посмотрела в мою сторону. Перевернула страницу.

– Планируешь преступление и думаешь, какое за него бу-

дет наказание? —я хотел пошутить, но как обычно что-то ляпнул не подумав.

Мари косо посмотрела на меня, и должно быть, посчитала меня дураком. Я добавил образ почесыванием затылка.

—Ты любишь читать?

—Нуу, совсем немного. «Когда есть время», —промямлил я и осмелился сесть рядом с ней. Трава щекотала ноги.

— Это хорошо, — Мари аккуратно закрыла книгу и перевела взгляд на меня., — теперь я смогу некоторые из них обсуждать с тобой. Жаль, что я раньше этого не знала. Теперь-то мы наверстаем упущенное!

Я постарался как можно быстрее и незаметнее перевести взгляд на траву вокруг ее ног. Не получилось. Она конечно же заметила, что я смотрел на ее колени. Я это понял по тому, как она слегка улыбнулась, но не упрекнула меня. От этого я засмутился еще сильнее. Моя правая рука стала рвать траву под ней.

Ох уж эта трава.

Она сидела на небольшом бежевом покрывале в клетку. Я рядом с ней. Ее каштановые волосы под желтыми лучами солнца отсвечивали рыжеватыми оттенками и красиво ниспадали на ее хрупкие, светлые как мел плечи.

Нужно взять себя в руки. Мари любит решительных парней. — думал я.

Набравшись решительности, я первым начал разговор о сегодняшней, предрасполагающей к таким поездкам как на-

шей, погоде. Мари с энтузиазмом подержала меня и рассказала о своих впечатлениях, успевших возникнуть за всё время пребывания здесь. Затем мы говорили о будущих планах на лето, о том, куда можно было бы отправиться в путешествие. Легкость в разговоре всегда была свойственна нам, но мы никогда не оставались наедине так долго. Выдавшаяся нам возможность позволила нам больше узнать друг о друге, и возможно лучше понять схожесть суждений во многом. Время шло так быстро, что мы его вовсе не замечали. Тем не менее, прошло уже около двух часов, как мы были одни. Разговор продолжался. Я при разговоре старался не смотреть ей прямо в глаза, однако иногда осмеливался поглядывать на нее.

—Изучаешь русскую культуру? — осведомился я. Мне хотелось казаться умным. И, наверное, крутым. Да я и был не глуп, но почему-то рядом с ней всегда тупел. Крутым точно не был.

—Боюсь, что, прочитав одну книгу, это сделать невозможно. — Она мне улыбалась. Я видел это краем глаза. Иногда поглядывал на нее, но не долго. Она поправила свои кудрявые волосы и наклонилась так близко ко мне, что я думал, что сердце вот-вот выпрыгнет.

—Дать тебе прочитать? — Легко, всё с той же улыбкой предложила она мне. Она смотрела на меня не отрываясь. я не мог позволить себе тоже самое. Не сегодня. Я еще не готов.

—Нууу... — начал бормотать я. Я бы не отказался.

Да что там говорить. Я и посмечь не смел, чтобы отказать ей в чем-то.

—Что это вы тут делаете? — Прервал нас ее брат. — Книжки читаете? Я люблю книжки! — мне пришлось подвинуться, потому что он плюхнулся прямо между нами, разорвав установившуюся близость и некоторое волнительное напряжение у меня.

Клуб книга-любителей в полном составе, — со злостью подумал я, ведь наше единение прервали, — Когда в следующий раз мне доведется остаться наедине с Мари? Возможно никогда! О Боже.

—Ох, Рени! —вскрикнула Мари. Опять ты вернулся?! — Мари отложила книгу в сторону и завалилась спиной на траву.

Я сделал также. Когда я оказался на ее уровне, то заглянул ей прямо в глаза. Моя злость пропала. Как я могу злиться, когда она так рядом. Она мне улыбнулась. Очень искренне и нежно. Я хотел улыбнуться ей в ответ, но не вышло.

Перед глазами появилась голова Ренарда. *Опять он.* Далее, я увидел его глаза впрыток к моим. — Ну чем теперь займемся, ребятки? — спросил он, поднимая свои руки вверх. Я разглядел небольшие черные точки на его носу — так близко он ко мне находился.

Опять этот Ренард всё портит. —возмущался я у себя в голове.

Я знал, что объяснять Ренарду о том, что был бы не прочь, если бы он свалил — бесполезно. Тем более, он бы не одобрил

это.

– Я вообще-то читать собиралась. Но с вами, глупые мальчишки, умными делами вообще невозможно заниматься! – Мари нахмурилась и демонстративно скрестила руки на груди.

– Ну так давай заниматься глупыми делами! – предложил я, – Что тут такого?

Мари, привыкшую к тому, что я всегда мало говорю, удивило мое высказывание и она смело перегнулась через брата. Теперь ее лицо было прямо над моим. Ее тело частично оказалось на брате, а ноги на траве. Волосы падали на лицо. На мое лицо. Они пахли чем-то очень приятным.

– Давай. – просто ответила она и заглянула в мои глаза.

Тепло разлилось по моему телу. Пришло напряжение. Появилась паника.

Нет, пожалуйста. Только не как в тот раз. я обязан взять себя в руки. Я должен собраться. Я не должен казаться идиотом, как в тот раз, когда ничего не смог даже сказать. Так. Не стоит ничего ей говорить. просто улыбнись. Просто улыбнись.

Я ей улыбнулся.

Ренард, не ожидающий такого поворота событий, аккуратно оттолкнул сестру на место – Хватит ерундой заниматься! Пойдемте лучше сосиски пожарим!

– О, это я люблю! – воскликнула Мари и тут же подскочила с покрывала. – В коем-то веки ты предложил дельную мысль,

братишка.

Мари выглядела взволнованной и, наверное, смело будет даже сказать, что слегка напряженной. Однако она тщательно это скрывала. Ренард не заметил.

— Я тоже тебя люблю, сестренка. — Ответил ей Ренард и взял сестру за руку. Они вместе побежали в сторону палаток. Мари повернула на бегу голову и посмотрела на меня своими ясными глазами. Я помахал ей рукой, скривив на лице нечто напоминающее улыбку скорее верблюда, чем человека. Она рассмеялась и отвернула голову по направлению бега.

Какой же я дурак — тогда подумал я, разозлившись на себя.

Неужели нельзя было нормально улыбнуться? Это же так просто! Надо лишь слегка приподнять уголки губ. Всего лишь то!

Я попробовал повторить. Вроде получилось. Хотя со стороны я не видел, как это смотрелось на самом деле, все же мне показалось, что во второй раз получилось гораздо лучше, чем в первый. Жаль, она не видела.

Более-менее успокоившись, я свернул оставленный Мари плед, еще раз взглянул на книгу и почувствовал, что во мне произошли изменения.

Скорее всего незначительные. Скорее всего к лучшему.

Не спеша, я пошел следом за ними. Я слышал, как уже из далека мне кричала Мари — Джери, ну ты где там? Давай быстрее!

Я глянул в ту сторону откуда слышал ее голос и подумал: куда я денусь. Пожарю я с вами сосиски. А вечером мы теплее укутаемся в спальные мешки и будем смотреть на небо. Ты будешь думать о звездах. Я тоже буду думать о них, но еще и о тебе. О том, что ты рядом. Мари...

В сердце моем появилась надежда. Я смело зашагал на голос Мари.

Рождество этого же года.

Снег неспешно опускается на город, засыпая малопроезжие места и крыши домов. Люди в разных уголках Франции суетятся в поисках еще не купленных подарков, продуктов на стол. Кто-то так и не поставил елку или не повесил гирлянду. Кто-то забыл сказать важные слова своему близкому. Открываются самые вкусные домашние варенья и готовятся самые праздничные блюда, вкус которых отдается на заснеженных улицах декабрьского вечера.

Это Рождество я встречаю со своими родными и родными Ренарда. Они пригласили нас к себе на праздничный ужин, как уже делали это не раз. Пока родители готовились и о чем-то своем болтали в другой комнате, мы вдвоем сидели в гостиной на полу и думали, что же спрятано в праздничных коробках.

Всем интересно, что спрятано в них. Особенно Мари. Она же девчонка.

Хоть мы были уже достаточно взрослыми, любопытство

нас раздирало. И я бы, наверное, никогда и не стал думать, что спрятано в них, если бы Мари постоянно не твердила: «Неужели неинтересно что там? Неужели не хочется узнать пораньше? Может там подводная камера, о которой ты так мечтал, Ренард! Может там ... Джерри» Я намеренно пропустил что там, потому что теперь мне стыдно за то, что я тогда хотел.

Своим интересом Мари раззадорила и нас, поэтому теперь втроем умирали от любопытства.

—А что ты для нас приготовила, Мари? —спросил я. С того самого пикника я стал смелее гораздо и Мари перестала считать меня мямлей, нюней, чрезмерно стеснительным и трусливым мальчишкой.

Однако я по-прежнему был просто другом. Близким другом.

—О, для тебя кое-что интересненькое. — Кокетливо произнесла она, накручивая на свой палец локоны своих выющихся волос и сжимая крепко свои розовые губы.

Мари выглядела как всегда шикарна. Что нельзя было сказать о нас с Ренардом. На нас были новогодние свитера с оленями — на мне синий, у Рени белый. Брюки. Туфли. Парни и мужчины вообще почти всегда выглядят одинаково. Отличали нас только цвета одежды и врожденные признаки (цвет волос, глаз, телосложение немного, рост и т.д)

Мари же нарядилась как на вручение Оскара. Изумрудного цвета шелковое платье длиною чуть ниже колена, обрам-

ленное по низу черным кружевом. Черные лаковые туфли. Ее грудь украшало аккуратное колье. На ушах небольшие серебряные серьги. Мари всегда была красива и утончена. Невольно я помню почти все ее образы. Если честно, мне бы хотелось их забыть. Слишком это мучительно постоянно помнить, как она невообразима красива.

Мы с Ренардом шутили над тем, как она излишне нарядилась. Я лишь поддерживал его. На самом деле каждая деталь в ее образе меня завораживала.

– Что же ты приготовила, Мари? Я ведь сгорю от любопытства. – Не отставал от нее с расспросами.

Ренард спокойно сидел, наблюдая за нами. Он облокотился на диван, стоящий позади нас, и кажется ушел в свои мысли.

– Так тебе и надо, смеясь ответила она, – Но я уверена, тебе понравится!

Ужасно несносная, вредная, но до чертиков обворожительная Мари. И я ничего не мог с этим поделать!

– Опять на полу сидите? В приличном обществе не положена дамам и господам рассиживать на полу! – Вошла в комнату миссис Бреттон, моя мама.

Она была шикарной дамой средних лет, по меркам мужчин среднего возраста. Высокая, скорее худая нежели толстая, с продолговатым лицом и светлыми волосами до плеч, собранными в какую-то незамысловатую прическу. В руках она несла еще один подарок, завернутый красной лентой.

–Рени, позаботься, чтобы эти негодники не открывали подарки раньше времени! – обратилась она к Ренарду и пома- хала всем нам указательным пальцем прежде, чем скрылась снова.

Ренард очнулся от своих мыслей.

Но мы и не собирались их открывать. На тот момент меня стал волновать только подарок Мари. Я не видел, чтобы она что-то клала под елку или на камин для меня. Однако. Она сказала, что подарок есть. Словами она не бросалась. Иногда эта черта меня в ней бесила.

–А что же вы приготовили для меня? – Ренард оконча- тельно очнулся и потянулся к подаркам. Стал искать короб- ку со своим именем и инициалами дарившего. Когда он об- наружил малюсенький сверток, предназначавшийся ему от родителей, то крайне огорчился.

–Как так? И это всё, чего я заслуживаю?! – Недоумение читалось на его лице. – маленький клочок упаковочной бу- маги? Серьезно?!

Я и Мари громко захохотали.

Я с наигранным сожалением похлопал Ренарда по плечу. Мари, хоть и попыталась выразить сожаление, все-таки не смогла сдержать свой смех.

–Я должен с этим разобраться. – уверенно поднялся Ре- нард и направился в сторону родителей, дабы выяснить такое отношение к нему. Злость и недоумение на его лице сыграли с ним плохую шутку – из привлекательного молодого юноши

он превратился в ворчливого старого гнома из диснеевского мультфильма «Белоснежка». Мистер Ворчун – так Мари иногда шутила над своим братом. Ей это было позволительно, мне – нет.

Мы с Мари остались вдвоем.

–Ну что, тебе всё еще интересно, что я для тебя приготовила? – продолжая смеяться спросила она.

–Спрашиваешь еще! Конечно интересно! – пододвинувшись поближе к подаркам, я стал перебирать их.

Мари стала на коленках передвигаться ближе ко мне. –Его там нет.

–Тогда, где же он?

Я посмотрел на Мари недоумевающим, слегка наигранным взглядом. У меня было время, чтобы научиться притворяться и показывать разные эмоции, чтобы скрыть настоящие. Было время, чтобы стать более серьезным. Более крутым (так я говорил в детстве). Более умным.

Мари пододвинулась еще ближе, обвела своими руками мою шею и поцеловала меня. Я чувствовал, как ее нежные губы касаются моих. Я ощущал их влажность и тепло. Такое прекрасное тепло, которое хотелось бы чувствовать бесконечно долго.

–С Рождеством, Джерри. – произнесла она еле слышно, но эти слова были самыми громкими и самыми сильными, которые я когда-либо слышал.

–С Рождеством, Мари. – спокойно ответил я.

Мы оба улыбнулись. Это был лучший вечер в моей жизни.

Когда Ренард вернулся, мы уже успели аккуратно разложить подарки под елкой и достать монополию. Пока родители болтали в другой комнате, мы решили, что было бы неплохо развлечься чем-нибудь посерьезнее.

Ренард обожал эту игру. Потому что почти всегда выигрывал. Он с радостью согласился сыграть с нами.

Время шло, я проигрывал. Пока мы играли, обсуждали разные повседневные дела, с которыми сталкиваются подростки вроде нас. Учеба, оценки, друзья, новые гаджеты – наверное всё, что нас волновало на тот момент. И хотя каждый из нас на самом деле предпочел бы беседу более высокого уровня, скажем значение философских изречений, или впечатление от прослушивания Чайковского, все мы боялись казаться чрезмерно заносчивыми и скучными, хотя если бы знали, что все одинакового мнения, но не постеснялись бы переключить беседу на более важные вещи. Я хоть и принимал участие в беседах, мои мысли были заняты другим, от этого я на протяжении всей игры проигрывал. Размышления были мои направлены на воспоминание нежных губ Мари, ее поцелуе. О том, что это могло бы значить. Для нее. Для меня. Может быть для нас... Хотелось думать о хорошем.

Может это всего лишь девчачьи забавы? Но весной, мне казалось, я тоже уловил признаки ее симпатии ко мне. Можно ли было верить своим подозрениям о взаимности чувств

подруги? Можно ли было теперь считать ее просто подругой, или же я неосознанно приписал ей статус возлюбленной? Ах, пусть всё идет так, как тому суждено. Эти мысли всё равно ни к чему меня не приведут.

Всю игру я смотрел на нее. Смело. Решительно. Она в ответ лишь скромно мне улыбалась. Ренард был увлечен игрой, хотя пару раз на нас и смотрел с подозрением, но ничего не сказал.

— Кажется, я снова стану монополистом! — Воскликнул Ренард и стал пересчитывать имеющиеся у него карточки.

— С тобой невозможно играть, Рени! — возмутилась Мари. — Я сдаюсь.

— Я тоже. Ты, бесспорно, победитель этой игры, Рени. Поздравляю! — мы пожали друг другу руки.

Меня вовсе не волновало, что я проиграл в монополию. Не волновало то, что я мог показаться никомушным игроком и упасть в глазах Мари. О, только не в них. Я намеревался выиграть другую игру. В которой Мари достанется мне.

У Кайе я остался с ночевкой. Мне постелили постель в свободной комнате замка. Но сон совсем не приходил. И хотя тело ломило от усталости и требовало отдыха, голова работала на полную мощность.

В голову приходили различные мысли и образы. Я думал о том, как изменился в последнее время. О том, что стал нравиться Мари. Это было не точно, я сомневался, но мне хоте-

лось верить, что это так.

Я переворачивался с одного бока на другой. Сминал подушку и переворачивал ее вновь и вновь. Ничего не помогало. Тогда я решил прогуляться. Аккуратно ступая с ноги на ногу, я вышел из своих покоев (выделенная мне комната действительно так выглядела, поэтому данное слово здесь уместно). Везде было тихо. Попадавшие на моем пути часы показывали 2.30 ночи. Я прошел по коридорам по направлению к зимнему саду. Основной вход крепко закрывали на ночь, заднюю тоже. Но через черный вход можно было попасть в небольшой ботанический сад, где я намеревался побродить, размышляя о случившемся.

— Не спится, Джерри? — спросила меня Мари, как только я ступил в сад.

Она сидела на плетеном кресле, рядом с небольшим фонтаном, наблюдая как медленно стекает вода по бугристым камням.

— Да, что-то сон совсем не идет. — Согласился я и аккуратно прошел к другому стулу, который находился с другой стороны фонтана. Теперь мы сидели друг на против друга, но Мари не смотрела на меня. Она предпочитала наблюдать за движением воды.

Вокруг горели небольшие светильники, длиною метр или полтора, которые были изящно расставлены по периметру этого небольшого, но сильно цветущего ботанического сада. Здесь было тепло, что нельзя было сказать о погоде на

улице.

—Мне тоже не спится. —Мари произнесла это так спокойно и отрешенно, будто сейчас ее волновало нечто более важное. Мысли ее были далеки от меня.

—Я думал о тебе, Мари. Эти мысли не дают мне уснуть. — Вывалось спокойной речью из моих уст. Я не ожидал, что это скажу. Но что сделано, то сделано.

Мари обернулась в мою сторону.

Она была одета в белую сорочку с длинным рукавом. На плечах, груди и спине ее были небольшие воланы в два слоя, что шли, обвивая ее тело, будто обнимая ее. Волосы были распущены и аккуратно свисали на ее выступающие груди.

— Я тоже думала о тебе. — Произнесла она и снова повернула голову к фонтану. Я никогда ее не видел такой отрешенной. — Как думаешь, что нас ждет в будущем?

—Я не могу знать этого точно, но думаю, чему суждено быть, того не избежать. Могу ли я осмелиться предположить, что мы думаем об одном и том же, Мари?

Я встал с плетенного кресла и сел возле ног Мари. Я взял ее нежную руку в свою. Она посмотрела на меня. При тусклом освещении не было видно цвета ее глаз, хотя я прекрасно знал, что они серо-голубые, цвета пасмурного неба, предвещавшего ясную погоду. Одно я увидел ясно. В них была пустота.

—Мари, что-то случилось? — затревожился я, — я могу тебе чем-то помочь? Ты, наверное, знаешь, я всё для тебя сделаю.

Только скажи.

Словно дополняя эту пустоту, Мари произнесла:

—Так и есть, Джерри. Мы думаем об одном и том же. Однако в разных направлениях... — Она не отводила свой взгляд от меня, но и не убирала свою руку из моей. Я опешил, застыл. Я ничего не мог понять. Невидимый барьер внутри меня перекрыл все мыслительные каналы.

—Что ты хочешь этим сказать, Мари?

Мари поднесла свою вторую руку к моей и сжала ее между своих небольших ладошек. У нее заслезились глаза и потекли слезы.

—Ну же, дорогая, не плачь. Всё же хорошо. Теперь всё хорошо. — я пытался ее успокоить, хотя совсем не понимал в чем дело.

—Я не должна была тебя целовать, прости, — ее щеки от слез стали влажными, -забудь это, пожалуйста. Пожалуйста, забудь! Забудь!

—Я не понимаю. Я же не виню тебя ни в чем. Если ты не готова или боишься, я готов подождать. Мари, ты всегда мне нравилась! Ты идеал всех моих мечтаний, ты та, без которой я не могу. И я чувствовал, что ты тоже испытываешь ко мне чувства. Я слышал, как бьется твое сердце, его не обманешь. Скажи, что случилось, Мари? Я помогу тебе со всем разобраться.

Мари собрала все силы в себе и перестала плакать.

— Это была ошибка, Джерри. Я не должна была так посту-

пать. Прости, что сыграла с твоими чувствами такую злую шутку. Прости, если когда-нибудь сможешь.

Слова эти прозвучали так холодно, так не похоже на Мари. Я ничего не мог понять.

—Мари, я не понимаю. Сегодня ты целовала меня. Так нежно и чувственно. Я сам чувствовал это. А теперь заявляешь, что ты ошиблась. Скажи, что ты сейчас шутишь, о дорогая моя Мари!

Мари не смотрела на меня.

—Я не шучу, Джерри. Тебе лучше удалиться и оставить меня здесь одну.

Я разозлился. Очень. Но старался держаться, как мог. Ее рука сильно сжимала мою, однако я выхватил ее.

—Но почему, Мари? Если ты сомневаешься в моих намерениях или чувствах, то будь уверена, я был честен и серьезен по отношению к тебе.

Мари вскочила с кресла, вырвав свою руку.

—Да, я сомневаюсь в тебе, Джерард Бреттон. Оставь меня здесь одну, пожалуйста.

Мари стояла ко мне спиной и не давала вразумительных ответов. Мне ничего не оставалось, как сделать то, что она велела.

—Я оставлю, тебя, Мари. Но хочу, чтобы ты всегда знала, что мои намерения были серьезны к тебе. И чувства сильны.

—Уходи.

Я ушел.

До самого утра я не мог уснуть, я видел, как жгучее солнце поднимается над горизонтом.

Утром я вернулся домой. На следующий день узнал, что Мари уехала в Лондон.

Боль наполнила меня всего, прожигая каждую клеточку моей души. Я пытался понять. Что я сделал не так. Что я может быть не понял. Чего хотела добиться Мари. Зачем женщины так поступают. Все ли они так поступают. Как их понять. Ответа я не нашел.

С того момента я сильно изменился. Я никогда не понимал женщин, но теперь понял, что и не следует пытаться это сделать. Я стал безразличным, эгоистичным и не податливым чувствам.

Единственное что я унес из этой истории, так это саму историю, появившуюся любовь к книгам, а затем и к написанию стихов. Стихи я правда пишу не часто. Для этого требуется открывать душу, а это всегда тяжело.

Возможно, где-то далеко в душе еще и живет моя далекая влюбленность в Мари, может даже любовь. Однако стоит сильно постараться, чтобы вернуть ее. А мне это ни к чему. Поэтому я это просто я. Джерард Бреттон – тот самый бабник и ловелас, восхитительный любовник столь многих дам. Богатый и успешный парень Франции. Эгоистичный, но всегда хороший сын родителей и друг Ренарда. Моя злость к нему прошла. Наоборот, я стал задумывать о том, что он

был прав.

Ну а Мари. Черт с ней, с Мари.

– Нет, Ренард. Мне не доводилось влюбляться. Может все-таки еще пива?

Правда

– Тебе точно лучше? Я постаралась приехать сразу же, как мне сообщили, что ты очнулась. – С волнением в голосе говорила Анет, крепко сжимая в своих руках руку Авелины. Её единственной и самой любимой сестры, которую несколько недель назад она могла потерять. Но не потеряла, и слава Богу. С глаз Анет медленно текут слезы, приостанавливаясь на маленьких светлых родинках на её лице.

– Оо, Анет, не плачь, пожалуйста. Я чувствую себя почти уже здоровым человеком.

– Почти... – на выдохе проговорила Анет и сжала руку сестры еще крепче. – Я так волновалась за тебя! Увы, я не сразу узнала о случившемся, о чем очень сожалею. Однако... Если бы я узнала гораздо быстрее, не знаю даже... Может оно и к лучшему, что время распорядилось таким образом. Смогла ли бы я предложить тебе ту помощь, которую оказал тебе тот молодой человек, оплатив твоё лечение – я сомневаюсь. Ты, конечно, вправе судить меня за мои мысли. Всё же я считаю, что пока что всё складывается не самым худшим образом. – на лице Анет отразилось вина, наполнявшая её всё то время, которое они были не вместе.

Авелина понимала чувства сестры, хотя и не могла ее судить за столь вздорные мысли. Да, ей очень повезло, что рядом оказался порядочный молодой человек, который по

непонятным ей причинам сделал столь добрый поступок. Однако она опасалась последствий столь добродушного и щедрого поступка от незнакомого ей человека. Не желая продолжать разговор в том же духе, Авелина решила узнать другие подробности, волновавшие ее гораздо сильнее. Начала она с простого, хотя ей непременно хотелось узнать нечто более интересное.

– Как ты сюда добралась? – Спокойно спросила она.

– Меня привезла воспитательница Софи Бенуа. Она прекрасная женщина. Ты, наверное, помнишь ее?

– Да, отлично помню. Где она сейчас?

– Ждет в коридоре, так что я ненадолго.

– Хорошо.

– И еще. Не знаю обрадуешься ты или нет, но она хочет меня удочерить, – на секунду Анет замолчала, словно подбирала нужные слова. Наконец, набрав побольше воздуха в грудь, она продолжила, – еще давно она думала удочерить нас двоих, но потом поняла, что нас обеих будет очень трудно содержать. Детский дом бы этого не позволил, даже зная о том, какая она чудесная женщина. Когда ты стала совершеннолетней, процесс для нее, упростился. – Анет еще раз глубоко вдохнула. – В общем, теперь я буду жить у нее. Надеюсь, ты не против? – Аннет посмотрела на Авелину своими крупными глазками, – не злись на меня и на нее, пожалуйста. Она правда хорошая. Ты всегда сможешь к нам приезжать, ведь ей и ты нравишься очень. Просто так сложились

обстоятельства...

На секунду Авелина испытала странное чувство, очень напоминающее одиночество.

Когда Авелине пришлось покинуть детский дом, Анет осталась там. Опекунство в силу многих обстоятельств оформить было невозможно. Теперь же Анет собиралась удочерить другая женщина – мадам Бенуа. Так хорошо им обоим знакомая. В какой-то степени, этот факт у Авелины вызывал ревность. Ее милая Анет, уже не будет только ее милой Анет. Авелина также понимала, что всегда сможет навещать сестру и ей всегда будут рады. Однако отголоски сознания подсказывали ей, что она не сможет часто навязывать свое общество. В конечном итоге между ней и сестрой, расстояние в отношениях будет только расти, ведь у каждой будет своя отдельная жизнь. С другой стороны, Авелина давно уже не была с Анет так рядом, как это было во времена детского дома. Авелина давно уже жила своей жизнью, поэтому пришло время откинуть эгоистичные манеры и искренне порадоваться за сестру, которая наконец-то найдет семью, о которой мечтала.

–Что ты, Анет! Я очень за тебя рада! Наконец-то у тебя появится семья. Я буду часто навещать вас и всё будет, даже лучше, чем раньше.

Насчет частоты встреч Авелина, конечно, соврала. Она знала, что первое время будет достаточно трудно сделать это, ведь ее жизненное положение не было устойчивым настоль-

ко, насколько это могло бы хотя бы обеспечить ей нормальное существование. Ей не хотелось расстраивать сестру, поэтому всё что она могла – это дать ложное обещание, что они будут видаться достаточно часто. Ложное, но благое обещание.

–Ты всегда можешь приходить к нам. Мы тебя очень рады будем видеть. И так думаю не только я, так говорила мне сама мадам Бенуа.

–Спасибо. Я очень ценю. – Авелина искренне улыбнулась и на душе ей стало немного легче. Теперь есть кому позаботится об Анет. Этой миловидной, кудрявой, порой несносной девчонки.

Сейчас Анет выглядела, хоть немного и заплаканной, но очень ухоженной и повзрослевшей. Правда, все еще та же девчонка. Её черные кудрявые волосы были собраны сзади в высокий хвост, на её лице было совсем немного макияжа, что подчеркивал её выразительно голубые глаза, пухлые губы и черные тонкие брови, которые уголками нависали над глазами. Одета она была просто: светло-голубые джинсы с разрезами и белый полувер.

–У меня для тебя есть еще новость. Боюсь, что не такая хорошая, как первая. Возможно, следовало начать именно с нее, но я не хотела так начинать нашу встречу, поэтому, надеюсь, ты меня поймешь. – Анет взяла аккуратно руку сестры и ощутила холод.

Авелина слегка кивнула в знак того, что готова услышать,

приготовленную для нее новость, словно ожидала чего-то подобного, и Анет продолжила.

—Прежде чем мадам Бенуа решилась на тот поступок, о котором я тебе уже сказала, а именно – удочерить меня, она предпринимала некоторые решительные действия. Возможно, ей не следовало этого делать, однако, я считаю, что так как сложилось в конечном итоге, к лучшему. Наверное, ты уже догадываешься, о чем я. Мадам сделала это, я уверена, не из плохих побуждений, хотя может и преследовала личный интерес, о котором я чуть позже тебе скажу. То, что она всё честно рассказала мне, что ей удалось узнать, и то, что она не стала скрывать мотив своего поступка – заслуживает нашего понимания.

—Анет, пожалуйста, не тяни!

—Да, да, конечно. Так вот. Мадам Бенуа, прежде чем пойти на такой шаг как удочерение, навела много справок и ей удалось узнать, что наши с тобой родители погибли в автокатастрофе. Данные подтверждающие это есть в газете, и в интернете. В них говорится, что молодая пара, ехавшая по *** улице, не заметила выехавший на встречную полосу автомобиль и не успела вывернуть, чтобы объехать этих сумасшедших. Виноваты были не наши родители, но и нарушители поплатились за свой поступок. От столкновения погибли как пассажиры машины, в которой были Ма и Па, так и машина, которая в них въехала. Погибших сразу опознали, но их родственников не удалось найти.

Авелина могла ожидать чего угодно, любую ужасающую новость, но она не думала, что будет затронута эта тема, долгие годы сильно волновавшая их обоих. И хотя надежду на поиск родителей девочки пронесли через всю прожитую ими жизнь, в последнее время она волновала их меньше всего. Теперь же, спустя долгие годы, эта информация сама нашла их. Авелина хотела бы поверить в это и придать этому значение, но у нее это не вышло, хотя некоторые из вопросов все-таки невольно возникли в ее голове. Она сразу же их озвучила.

—А как же мы? Почему мы так долго этого не знали? Если об этом было сказано сразу же в газетах, то каким образом до нас не дошла эта информация? Или ее от нас намеренно скрывали? Анет, я ничего не понимаю. — Авелина злилась, но Анет постаралась ее успокоить.

—Дело в том, дорогая Авелин, что наши родители перед тем, как попали в Аварию, по еще непонятным нам причинам, зачем-то сменили наши фамилии.

Недоумение на лице Авелины было видно невооруженным глазом. Всё это казалось каким-то розыгрышем или выдумкой, придуманной для того, чтобы посмеяться над ней. Правда же была в том, что всё это произошло в действительности, и никто не думал ее разыгрывать. Авелине ничего не оставалось, как просто поверить в это, хотя всё ее нутро восставало против этого.

—И какая же у нас настоящая фамилия? — с иронией, пол-

ной трагизма спросила она сестру. Ей не хотелось обидеть Анет, просто всё это было слишком для нее. Две совершенно неожиданные новости. Вот и говори после такого, что любишь сюрпризы. Упаси Боже.

Анет потянулась к своей сумке. Из нее она достала одну целую газету, несколько слегка потрепанных вырезок из других газет и телефон. Газету с вырезками она сразу передала сестре, а телефон оставила себе, чтобы открыть нужную статью. Авелина не стала смотреть в телефон, ей вполне хватило того, что она увидела в вырезках. Слова, написанные там, словно ножом врезались в ее сердце и разум, причиняя невероятную боль. Авелина страдала, это было заметно по ее побледневшему лицу и тусклым глазам. Руки немного тряслись, хотя она и постаралась успокоить их. То, что произошло не могло быть реальностью, однако подтверждение всего было у нее в руках.

—Мадам Бенуа точно уверена, что это наши родители? — всё с тем же недоверием спросила Авелина.

—Поверь мне, Авелина, на нее можно положиться. Она ни за что не стала бы врать, зная, что это может послужить моим отказом на удочерение или на дальнейшие наши с ней отношения. Она слишком полюбила меня и тебя, чтобы обманывать.

—Про какую же выгоду ты тогда упоминала? Ты говорила, что мадам Бенуа преследовала и личный интерес.

—О, это совсем просто! Она хотела знать придется ли ей

сталкиваться с трудностями, удочерив нас. Сможем ли мы полюбить ее как родную или же в погоне за поисками настоящих родителей, не воспримем ее должным образом.

Авелина молчала, обдумывая сказанные ей слова.

Да, это можно понять – думала она. – Любой потенциальный родитель, собравшийся усыновить чужого ребенка, захочет знать не только побольше о ребенке, но и о его родителях, с которыми возможно тоже будет иметь дело.

–Ей просто хотелось знать, что ждет ее, после удочерения. Мне кажется, это вполне логично, я бы на ее месте тоже так поступила. – отметила Аннет, словно прочитав мысли своей сестры.

–Так что же мы теперь? Франсуа? – вновь вернулась к прошлой теме Авелина. Ей не хотелось больше обсуждать поступок мадам Бенуа, здесь всё было для нее вполне ясно и понятно, а значит, не стоило на этом и застрять никакого внимания.

Анет пожала плечами и засмеялась, решив, как и ее сестра больше не затрагивать тему, связанную с мадам. Мадам собиралась помочь ей, а это заслуживало неподдельной к ней любви. Всекие подозрения только бы опорочили это светлое чувство. Поэтому, быстро переключившись на иное русло разговора, Аннет стало весело. Ей это казалось так непривычно и так нелепо – Авелин и Аннет Франсуа. Кто бы мог подумать? Авелине сначала показалось странным что сестра смеется, а потом и ей тоже стало смешно, насколько силь-

но они заблуждались. Конечно, в фамилии не было ничего смешного, наоборот, она казалась им благородной. Но благородство они себе не приписывали, от этого им это казалось чем-то абсолютно невообразимым. Создавшаяся ситуация и атмосфера смеха напомнила сестрам то, как хорошо они проводили время раньше, когда каждый день могли быть рядом. И как бы им хотелось всё вернуть. Вспоминания о том, как они пытались бежать стали ужасно нелепыми и поступки казались чрезмерно глупыми и необдуманнными. Если бы они знали, что некуда им бежать, и что ждет их там, за дверьми детского дома только трудности и огорчения, они никогда бы не пустились в этот бег.

И все-таки тогда удачно всё сложилось. – так они думали теперь.

Это не могло продолжаться долго, и вот теперь, они в эпицентре событий их собственной жизни, которая крутила их всё сильнее, чем ближе они находились к его сердцевине. Смех радостного веселья Авелины постепенно стал переходить на истерический смех по мере того, как она познавала узкость своих мыслей, доверчивость своей натуры и предубежденность относительно счастливого будущего. Всё оказалось куда сложнее, чем она ожидала. Могла ли она поверить в это раньше! Уж, конечно, нет. Если бы ей сказали, что такое случится через несколько лет, она бы просто назвала рассказчика дурачком, который сам не знает над чем шутит.

— Мне кажется это уже не наша фамилия, — начала Анет, после того как остатки истерического нервного смеха иссякли, — мы жили не с ней, а значит незачем нам ее возвращать. Всю жизнь с младенчества я была Кайе, и я ей и останусь.

— Над этим еще стоит подумать, — на выдохе произнесла Авелина. Ей казалось, что смеялись они так долго и так хорошо, хотя на самом деле не прошло и семи секунд. Их хватило, чтобы осознать своё отчаянное положение.

Анет пора уже было уходить, и она сказала об этом сестре. Авелина полностью понимала сестру и знала, что ее ждут, но в голове у нее оставался один недосказанный вопрос, ответ на который Аннет заранее узнала.

— Ты ничего не слышала про Эмери? — со всей серьезностью спросила Авелина. — Я знаю, сейчас, наверное, не время говорить про него, но...

— Я понимаю, — прервала сестру Анет, — судя по разговору воспитательницы с врачом, я сразу поняла, что речь о нем. Он выписался практически сразу, как сюда попал. Он отделался лишь несколькими ушибами. — без интонации произнесла Анет. — Эмери совсем не пострадал в аварии, в которой ты еле выжила. Авелина, он настоящий урод, раз позволил тебе быть на грани жизни и смерти, а сам даже не ушибся!

— Да, это так похоже на него, — Авелина схватила руку за голову, чувствуя, как у неё начинает болеть голова. — Ну, вот как, как ему удастся везде «выходить сухим из воды»? — продолжала она, явно в не себя от этой новости.

И хотя Авелина говорила с большой неприязнью об Эмери, она лишь делала вид, чтобы не разочаровывать сестру. Внутри себя она всё еще испытывала к нему теплые чувства, хотя и помнила, почему они попали в аварию.

– Не знаю. Ты думаешь, всё продолжится? Тебе разве не надоело все это?

Авелина жалела, что когда-то поведала эту историю своей сестре и рассказала ей всю правду, но тогда она была в таком отчаянии, что непременно хотелось кому-то излить свою душу. Так как кроме родной сестры она не могла больше никому довериться, то рассказала всё ей, не питая надежд найти поддержку. Однако Аннет, несмотря на то что была младше сестры, всерьез восприняла услышанное и с тех пор смотрела на Эмери как на самого злейшего врага, которого следовало избегать при любых обстоятельствах. Авелина же спустя время стала вновь смотреть на всё сквозь розовые очки, не замечая жестокой правды. Даже случай с этой аварией не показал ей, как эгоистичен и самовлюблен ее возлюбленный. Как ничтожна она в его глазах. Он не помог с ее лечением, ни разу не навестил пока она была здесь, не извинился за то, что именно по его вине она оказалась в больнице. Авелина же, ни раз раздумывая над этим, всякий раз находила этому новое оправдание: «Наверное у него не было возможности помочь мне», «Наверное у него были срочные дела и он не смог найти время, чтобы меня навестить», «Наверное он не знает что я тут, и думает, что я выписалась сразу как и он,

а если знает, то может думать, что я не хочу его видеть, и поэтому не приходит...», «Наверное у него случилось что-то более серьезное», «Наверное...», «Наверное...», «Наверное...»... Казалось, этому нет конца.

Она находила Эмери чрезвычайно красивым и умным, галантным на столько, насколько подобает хорошему джентльмену, добрым и весьма осторожным, ценила его высокие вкусы к музыке и литературе, была очарована его обаянием, которое усиливалось его спокойствием и уверенностью в себе. К тому же он был достаточно обеспеченным. И хотя Авелина ценила в нем совсем не наличие денег, это было просто приятным дополнением ко всем ранее перечисленным качествам. Порой, Авелина приписывала у себя в голове и те качества ему, которых у него совсем не водилось. Например, она считала его добрым, хотя свою доброту он проявлял только тогда, когда это было выгодно ему, но последнего она старалась не видеть, поэтому сознательно не думала об этом. Она считала, что он прекрасно разбирается в музыке и искусстве, однако его знания были лишь поверхностными, а слова об этом напускные. И если бы она сама в этом разбиралась столь хорошо, то возможно поняла бы это, но она не разбиралась и принимала всё за чистую монету, проглатывая каждое его слово. Авелина для себя решила, что больше не будет с ним связываться, и что их отношения ни к чему не приведут. Однако чувства у нее к нему всё еще остались. Больше она их не показывала так открыто и старалась вся-

чески в себе подавить.

– Ох, не знаю, милая Аннет. Я думаю, что он еще даст о себе знать. – Авелина подумала об этом с тайной надеждой, а Аннет еще больше разозлилась.

– Тебе понадобится еще время, чтобы вернуться к прошлому образу жизни. К образу, который был у тебя до аварии. Не думаю, что его будет волновать твои чувства, и твое выздоровление! – высказалась Анет, которая интуитивно догадывалась о мыслях и чувствах сестры.

– Да, наверное, ты права – наконец сдалась Авелина и позволила уйти нелепым чувствам подальше.

– Ты больше его не любишь же? – спросила не по годам взрослая Анет и сразу же пожалела о своем вопросе.

– Не знаю. Не уверена, что вообще любила. – Сказала Авелина и не соврала, потому что именно в данный момент такие мысли пришли на ее ум, хотя подсознание ее было убеждено в обратном.

– Лина, разорвите ваши отношения. Ты не достойна такого отношения. Я и сама со всем справлюсь. Теперь обо мне позаботится мадам Бюжо, так что твое самопожертвование ни к чему. – молила маленькая Анет. Она неосознанно теребила руками простыню на койке больной.

– Да, теперь о тебе есть кому позаботится – с облегчением выговорила Авелина, проигнорировав слова, высказанные о том, что она должна делать. Она и сама решит, как ей поступить.

Чувствуя свою вину, Анет опустила глаза вниз и короткие пряди, которые не удерживались в хвосте, упали на лицо. Захватив за собой, как судорожно она перебирает простыню в руках, тут же отбросила ее и посмотрела на Авелин.

— Со мной все хорошо. Я хочу, чтобы ты тоже себя берегла. — ответила на ее взгляд спокойным голосом старшая сестра. — А теперь иди, а то тебя ждут.

— Ладно. — послушно согласилась Анет. Она чувствовала, что навряд ли ей удалось переубедить сестру, но была отчасти рада, что, хотя бы сделала что-то в этом направлении. Анет нагнулась над сестрой и три раза поцеловала её то в одну, то в другую щеку. — Выздоравливай скорее.

— Хорошо, спасибо. — глаза Авелины сияли нежностью, а улыбка выражала надежду.

Дойдя до двери, Анет резко развернулась. Она подбежала к сестре, крепко её обняла и заплакала. Как бы ей хотелось, чтобы всё было как раньше! Чтобы они вместе играли и болтали как когда-то в детстве! Теперь неизвестно, когда им снова доведется увидеться вновь.

— Я так тебя люблю, Лина.

— И я тебя.

Авелина медленно гладила сестру по голове, расправляя её черные как смоль кудрявые волосы.

Затем она осталась одна в палате, утопая в воспоминаниях об Эмери. Его удивительно сильным обаянием, которое он производит на окружающих, его большой уверенности и воз-

возможности держать себя в обществе. Вспомнила она и общие с ним встречи, и фразы, сказанные им в ее адрес, которые так пленили ее сердце. И чем больше она думала обо всем этом, тем сильнее оживали ее чувства, закрытые пеленой здравого смысла и трезвого рассудка.

Знакомство

Когда, наконец, Авелина осталась одна в комнате её голову стали посещать воспоминания не только об Эмери, но и в целом об её жизни. Авелина не могла понять, что делала она не так, почему жизнь её складывалась таким образом. Еще больше ее пугало то, что могло ждать ее впереди. Осознавая всю сложность своего положения, она раздумывала над тем, где найти ей деньги, чтобы жить дальше. Ей непременно нужно было найти работу, но она ведь никогда не работала и это страшило ее. Сейчас, в этих больничных стенах, она чувствовала себя в тепле и уюте. Каждый день за ней ухаживали врачи и санитары, но это не могло продолжаться вечно – *рано или поздно меня выпишут, и что тогда? Куда я пойду? На что буду жить? Вряд ли Эмери мне теперь поможет. О, как было бы здорово, если бы он помог!*

До этого, на скопленные от подачек Эмери деньги, Авелина снимала небольшую и недорогую квартиру в *** районе, но жить одной там ей не нравилось. Поэтому всегда, когда был шанс остаться у Эмери, она так и поступала. Аренду на всякий случай она всё равно оплачивала, думая, что возможно Эмери захочет ее бросить и ей некуда будет пойти. На этот случай была эта ничтожно маленькая квартира, аренда за которую еще не должна была закончиться.

И всё-таки я не должна больше на него полагаться, – ду-

мала об Эмери Авелина, — *надо и самой уметь выкручиваться. Вернусь в квартиру, пока аренда еще действительна, а там попробую найти работу.*

Авелина вовсе не была взбалмошной или глупой, она всегда ясно видела перед собой мир и знала, чего хочет. Принимая подачки от Эмери, она всей душой верила, что нравится ему, и понимала, что без них она совсем пропадет. Какая бы ни была двойственность между двумя этими фактами, они четко отражали действительность. И теперь, когда действительность постепенно открывалась ее рассудку, она понимала, что так продолжаться не может.

Я справлюсь. Я со всем справлюсь сама. Если я ему не нужна, то и он мне больше не нужен! — Так убеждала она себя изо-дня в день. И это было похвально.

Авелина глубоко вздыхает. Этот вздох наполнен тяжестью осознания своей жизни. О как бы ей хотелось не знать этих проблем и жить как многие хорошенькие девушки, окруженные заботой и любовью родителей. Как те, в которых влюбляются достойные их внимания молодые люди. Как отдают они им свои судьбы и всю свою любовь без остатка. Как часто она слышала об этом в различных рассказах и видела в кино. Как верила она в то, что так оно у многих. Как сильно ей хотелось так же!

О! Как была бы я счастлива!

Наивная душой и добрая сердцем она ждала, что так од-

нажды случится и в ее жизни. Разочарованная отсутствием взаимности от Эмери, она верила, что встретит другую свою любовь, хотя в тайне не оставляла надежд и на него. Да, в жизни она была умна и трезво рассуждала, но в любви она была настолько глупа, что ей посочувствовала бы любая хоть сколько-нибудь разбирающаяся в этом школьница. Анет и то разбиралась в этом лучше нее!

Возможно, виною тому было ее чистое и доброе сердце, ее нескончаемая вера в людей и конечно же по-детски наивная душа, которая внутри нее пела о том, что все несчастья – это пустяки. Это всего лишь путь к настоящему счастью. Ну а пока что ничего не оставалось как утопать в своих мечтах и думать о прошлом, перебирая в уме различные ходы своих действий.

Вспоминая это, Авелина сжала губы.

Зарывшись в своих грезах, Авелина совсем не заметила, как в палату вошел молодой человек, несколько секунд наблюдавший смену эмоций на ее лице. Как бы ни нравились ему эти наблюдения и ее милое личико, изображавшее то уныние, то волнение, то радость, то снова печаль, еще больше ему хотелось заговорить с ней.

– Привет!

– Привет, – проговорила испуганно Авелина, оборвавшая нить воспоминаний.

И давно этот мужчина тут стоит? – Читалось теперь на ее лице, – Что он тут вообще делает? Что ему от меня

надо?

Перед ней стоял высокий парень, крепкого телосложения, с каштановыми волосами и зелеными глазами. Авелине показалось, что она его уже знает, но никак не может вспомнить, где именно его встречала. На вид он был одет как больной. Авелина поняла, что он лечится в этой же клинике. *Но что он забыл здесь? Может заблудился?*

– Меня зовут Ренард. – Уверенно проговорил я и шагнул несколько шагов на встречу к её кровати.

Я волновался. Очень. Но мне так хотелось с ней познакомиться, что я решил больше не тянуть с этим. *Или сейчас или никогда.*

Авелине это имя ничего не дало. Мало ли Ренардов на свете? Она медленно наблюдала за мной с слегка приоткрытым ртом, явно опасаясь моих дальнейших действий.

– Вы, наверное, заблудились? Вы здесь недавно? – С волнением в голосе произнесла она и приподнялась на койке. Ее волосы переливались под лучами солнца, просочившиеся сквозь окна.

– Нет – нет. Не беспокойтесь. Я просто хотел познакомиться. Одному в больнице очень скучно, вот я и решил заглянуть в первую попавшуюся палату. – Соврал я, опасаясь напугать ее.

–Ах, вот как, – она задумалась, – пожалуй, знакомство мне не навредит. Меня зовут Авелина. Присаживайтесь на

свободный стул, – Авелина указала мне на три свободных стула в ее палате. Один находился совсем рядом и два по-дальше.

Она показалось мне милой и смелой.

*Раз она позволила мне остаться, возможно и я пригля-
нулся ей.*

Я решил попробовать рискнуть и сел недалеко от ее кой-ки, но и не очень близко к ней, всё еще тревожась за ее даль-нейшую реакцию.

– Я знаю, что вас так зовут. – проговорил я и уголки моих губ приподнялись. Я не хотел ее пугать, но и долго ждать мне тоже не хотелось.

– Откуда же? – Испуганно спросила она. – Наверное сани-тары вам проболтались? Ох уж эти медицинские работники, обо всех болтают!

*Боже, какая она нелепая. Но даже эта черта мне в ней
нравится.*

Ее карие глаза так сверлили меня, что мне самому при-шлось продолжить.

– Да, я случайно услышал, как они обсуждали между со-бой. Не вините их, они не специально, – снова соврал я, под-хваченный ее же идеей, – поэтому в общем-то я и решился сюда зайти. Подумал, что такое красивое имя может принад-лежать только очень красивой девушке. И знаете? Совсем не ошибся!

На её лице появилась немного смущенная улыбка, а потом

раздался звонкий смех, – Не говорите глупостей! Вам они не к лицу!

Я не сдержался и тоже засмеялся. А что мне еще оставалось делать? Не наваливаться же с обвинениями на нее.

– А что мне к лицу по-вашему?

–Ну, вашим чертам лица больше подходят благородные поступки, учтивость, уверенность. Пожалуй, вам также свойственно говорить только правду. Потому, что кода вы врете, это сразу заметно.

Авелина говорила это так легко и непринужденно, но в тоже время раскрывая все мои карты.

–По-вашему я вам соврал?

–Думаю, что да. Я практически в этом уверена. Меня это не волнует, поэтому можете продолжать врать дальше, – она сказала это так же просто и в конце улыбнулась мне своей невинной улыбкой. Признаться, честно, мне стало стыдно за свой вранье, но отступать было поздно.

– Лина значит. – повторил я и мы продолжили смеяться над неловкостью ситуации.

Я подошел поближе и сел на рядом стоящий стул.

– Я ведь тебя знаю, да? – поинтересовалась Авелина, пристально всматривавшаяся в черты моего лица.

– Ну да. Мы только что познакомились. – улыбка не сходила с моего лица.

Мне нравится её подкалывать.

Авелина опять лучезарно улыбнулась, и чуть было не рас-

смеялась снова. Но потом продолжила:

– Да нет. Я не об этом, – смущенно говорила она, – Ты мне кажешься очень знакомым, но никак не могу вспомнить, где могла тебя видеть... Может, это из-за аварии, в которую попала или время просто так влияет, не знаю, – честно призналась мне Лина.

Было заметно, как мышцы на её теле напрягаются от волнения.

Хотела ли она на самом деле знать правду?

– Мы ведь виделись и до этого?

Тут я задумался. Стоит ли ей напоминать про нашу встречу. В моем доме с мраморным полом и винтовой лестницей.

Вдруг она напугается и больше не захочет меня видеть? Вдруг подумает, что я нашел ее, чтобы отомстить? Вдруг посчитает меня плохим человеком? Правда, она, скорее всего не знала, что это мой дом, ведь он тогда был опечатан. Предполагать, что я пришел, чтобы ударить её вазой по голове, чтобы отомстить – полный абсурд. Если все-таки наше общение продолжится, то рано или поздно она все узнает. Так может ей лучше узнать об этом сейчас? Ведь потом это может все испортить. Это и сейчас может все испортить... Но... Я постараюсь ей все объяснить. Скажу, что не в обиде на нее и никаким образом мстить не собираюсь.

–Теперь ты хочешь знать правду? Или она тебя по-прежнему не волнует?

Авелина задумалась. Маленькие морщинки появились на

носу между глаз, — Да, теперь хочу, — твердо заявила она и поудобнее уселась. Она смотрела твердо и решительно прямо на меня.

Теперь следовало задуматься мне, — Виделись, — Наконец, после долгих раздумий отвечаю я. — Мы виделись четыре года назад. В моем доме.

— В твоём доме? — переспросила испуганно девушка. Тысячи разных мыслей пронесли у нее в голове. Это читалось по ее задумчиво-испуганному лицу. Она еще больше хмурила свои бровки и ее маленькое аккуратное личико выглядело взволнованным. Улыбка с лица Авелины тут же пропала.

Она поняла, о чем речь.

На её лице отразился страх, гнетущий страх изнутри. Несмотря на свое больное состояние, она выглядела бодро и ожидала, что будет дальше. Её большие карие глаза в этот момент казались совсем черными, как бездна, в которой пропадает всё, что только есть. И всё, что туда попадает, больше не возвращается назад. Оно канет в небытие. Навсегда.

Так, Ренард, соберись — сказал я себе и продолжил:

— Ты была тогда ... — Продолжаю я, но она тут же меня обрывает:

— Стой! — Кричит она и резко выставляет ладонь перед собой. — Не надо... — её голова опускается. Она трет пальцами свои виски.

Она явно напугана.

– Я всего лишь хотел сказать, что ничуть не обижаюсь на тебя. И, если ты вдруг подумала... Я никаким образом не собираюсь мстить. Ты мне кажешься очень милой девушкой.

– Извини, извини пожалуйста – бормотала она и в её голосе слышалось раскаяние. – Мы тогда очень напугались. Извини, что так получилось. Мне правда очень стыдно за тот момент... Если хочешь, можешь подать на меня в полицию...

– Да всё в порядке, – легко выговорил я.

– Правда?

– Да. – Мое лицо сейчас ничего не выражало.

Мне было очень интересно, как они оказались в моем доме и что они там делали и, но об этом я спрошу в другой раз. Если он будет.

– Узлы, вы, конечно, вяжете очень круто. У меня так и не получилось их развязать самому. – Проговорил я шутя.

Авелина опять рассмеялась:

– Это всё курсы по морским узлам.

Ну вот, теперь обстановка опять разрядилась. Я очень рад этому. Авелина уже почти не испытывала страха передо мной. Только немного смущалась. Обстоятельства четырехлетней давности были забыты.

– Так значит ты соврал мне все-таки?

– Получается, что так, – дружелюбно ответил я, – просто не хотел тебя пугать так сразу. Думал будет лучше если ты сначала узнаешь меня, а затем уже станет и не так страшно, –

я пытался выкрутиться как мог, однако она была недовольна. Женщины вечно чем-то недовольны.

—Хм, — вздохнула она, — Ну по крайней мере я оказалась права насчет твоего лица. Оно говорит больше, чем ты сам. Врать ты точно не умеешь.

Я пожал плечами. Самого себя всегда трудно судить.

За окном палаты был осенний день. Осень постепенно, медленными шагами шла на встречу зиме, но деревья все еще были одеты в багряные, бордовые, вишневые и золотые оттенки. Зеленые цвета уже давно исчезли. Некоторые листья ветер разносил по дворам то с бешеной скоростью, то вполне спокойно. Будто после бурной работы он отдыхал, и уставшие листья медленно ложились на серый городской асфальт. Затем внезапные обстоятельства их вновь поднимались, и они то кружились, то летали из стороны в сторону до тех пор, пока не уставали снова.

В такие моменты, если бы я был один, я бы задумался о свободе. Нужна ли она на самом деле человеку? Или мы просто однажды услышали от кого-то, что это очень важно. Или может ветер шепнул нам это на ухо? Тот самый, что только что гонял уставшие листья. Кому-то может приснилось, а кто-то увидел в кино. И конечно поверил. Но может все-таки не каждый свободный человек счастлив по-настоящему? Кому-то необходимо, чтобы его жизнь постоянно окружали заботы, обстоятельства и другие люди, которым вечно что-

то нужно от тебя. В такие моменты этот человек чувствует себя зависимым от обстоятельств, но и одновременно нужным. Он знает, что после трудового дня, придет домой к своей семье, любимому или может быть он живет один – это совершенно не важно, и там он насладится той самой долгожданной свободой, о которой все время мечтал. Тем временем, когда остаешься наедине с собой и сам решаешь, чем заняться. Ты понимаешь, что это время принадлежит только тебе. И ты ценишь такую свободу, ведь ее так мало. А если ее много, то в конечном счете все равно становится мало – вот такой парадокс. Хотя свобода тоже бывает разной, тут уж каждый должен сам выбирать свои приоритеты. Но я конечно об этом не подумал, когда нам всем думать о таких одновременно важных и совершенно не важных вещах, когда жизнь вот она, проходит у тебя перед глазами и нужно скорее уцепиться в нее всеми руками, ногами, волосами, зубами и всем тем, чем только можно, лишь бы не упустить ее.

Вот и сейчас я не один, мне некогда было думать об этом, и эта мысль лишь на доли секунды мелькнула в моей голове и тут же исчезла, будто ее и не было вовсе. Сейчас я рядом с девушкой, о которой вот уже четыре года думал. Я отвожу свой взгляд от окна и перевожу его на милую девушку с каштановыми волосами, которая что-то очень старательно мне рассказывает. Честно сказать я не могу полностью сосредоточиться, поэтому и не помню половины сказанного. Но это не так важно.

Я просидел в её палате около часа. Мы разговаривали о всяких мелочах, и звонкий смех не раз доносился из палаты. Ее звонкий и задорный смех.

Я навещал ее каждый день.

Через два дня после нашей первой встречи я выписался из больницы, но все равно продолжал навещать Лину. Каждый день я заходил к ней, и мы болтали о разных вещах. Когда ей стало немного лучше, мы позволяли себе немного прогуливаться по больничным коридорам. Это было чудесно, хотя время бежало стремительно быстро. Она чувствует себя гораздо лучше, и врачи говорят, что совсем скоро она может начать свой прежний образ жизни.

Авелине этого вовсе не хотелось. В больнице ей было спокойно и комфортно – все это читалось по ее лицу при каждом моем упоминании о скорой выписке. Я замечал это и, по ее словам, о том, как ей здесь нравится и хочется, чтобы это мгновение протяженностью в несколько недель никогда не заканчивалось.

– Почему ты ко мне все время приезжаешь? – неожиданно спросила меня Лина, в один из тех дней, когда мы вышли прогуляться на улицу. – Я ведь тебе не близкий человек и не родственница.

– Не знаю, – честно признался я, – Просто чувствую себя ответственным за тебя.

– Но я ведь столько бед тебе принесла: тогда незаконно

проникла к тебе домой и связала, потом машина, в которой я находилась врезалась в ту, в которой был ты. Из-за этого ты попал в аварию и оказался в больнице. Не в самом лучшем состоянии, заметь. На твоём месте я бы не связывалась со мной.

Ох ничего себе заявление.

— Я не считаю, что во всех этих обстоятельствах ты виновна. Ты такая же жертва, как и я.

Она слегка хихикнула. — Ну да, особенно я не виновата в том, что собственноручно приковала тебя к стулу и засунула кляп в рот.

— Знаешь, звучит очень соблазнительно, если не вдаваться в подробности. — от души засмеялся я. — Однако если говорить серьёзно, то думаю, что у тебя были причины так поступить и может быть когда-нибудь ты мне о них расскажешь. — Я говорил это скорее мечтательно, чем питал какие-то надежды.

Авелина немного покраснела — может быть, когда-нибудь и расскажу. Может нет. Посмотрим.

Что следовало ожидать.

Я человек из тех, кто не ищет подоплеки в людях и искренне желает им добра. Вот и в Авелине я видел лишь человека, которому нужна помощь. Да и просто сама история была настолько для меня загадочной, что притягивала меня к ней как магнит.

Мы замолчали. Она поправила запутавшиеся от ветра

пряди и продолжила – Знаешь, пожалуй, часть я все-таки могу тебе рассказать.

– Часть – это уже неплохо!

– Тогда, в тот самый злосчастный день, когда мы тебя стукнули вазой по голове...

В голове зашумело, в ушах зазвенело, к горлу подкатился ком – *столько лет меня интересовала эта история, и вот она! Я сейчас все узнаю! Нужно сосредоточиться!*

... Нет, начну не так. Я из детского дома и та девчушка с черными выющимися волосами – моя сестра. Она тоже оттуда.

Я внимательно стал слушать.

– В тот день мы были совсем глупые и мечтали сбежать из детского дома. К слову, мы так и сделали. Думали, что найдем своих родителей. Нам нужно было где-то спрятаться, переночевать и мы не нашли ничего лучше...

– Чем остановиться в моем доме? – прервал ее я.

– Да, ничего лучше, чем остановиться в твоём доме. Он был опечатан, и мы были уверены, что никого там не встретим. Конечно, ошиблись. Это ты и сам знаешь.

– И вам удалось их найти? – поинтересовался я, с облегченной душой. Внутренне я ликовав от того, что они просто пытались сбежать, а не вся та история, которую придумала мама.

– Конечно нет – Авелина взобралась на какой-то небольшой камень, который попался нам на пути и тут же спрыгну-

ла с него. С большей легкостью продолжила – Мы тогда даже сбежать толком не смогли. На следующий день нас поймали и вернули обратно, и мы стали жить прежней жизнью, уже не питая никаких иллюзий на тот счет.

–А в детском доме разве не осталось сведений о ваших родителях? – не мог уговориться я. Чужие истории и тайны всегда были моей слабостью.

–Нет, нас просто подбросили, и воспитатели не смогли оставить нас умирать на улице, поэтому конечно же приняли. Сведения о нас и о наших родителях не прилагались. Сейчас мы знаем чуточку больше, но не на столько, чтобы это изменило наши жизни. Да и уже ничего не изменится.

–Почему же? – спросил я. Я может мог бы помочь найти их?

–Ох, спасибо, Ренард, но не стоит. Мы уже выяснили что они погибли, большего нам и не надо. – Авелина улыбнулась мне своей мягкой улыбкой. От ее слов я чувствовал в душе расслабление, идущее бок о бок с умиротворением. И несмотря на то, что обсуждали мы возможно не очень приятные темы, Авелина говорила так приятно, что ее мягкий и нежный голос можно было слушать вечно.

Ну и дела.

– Вот такие дела – сказал она, будто прочитала мои мысли и их повторила.

–И что же было с тобой после? – спросил я в надежде, что она в таком расположении духа сейчас, что мне всё расска-

жет.

– Да ничего особенного, о чем следовало бы рассказать – отмахнулась она – Давай лучше сплетем мне венок из желтых листьев? Я в детстве всегда себе такие делала.

Я понял, что она не хочет больше говорить о своей жизни, поэтому пришлось сдаться и согласиться плести венок из желтых листьев.

– Почему это только тебе? – возмутился я, – Я тоже себе такой хочу!

Авелина засмеялась таким смехом, что мне казалось, что она сейчас лопнет. Но всё-таки не лопнула.

– Конечно давай! Ты умеешь?

– К такому жизнь меня не подготовила. Много умею, но этот полезный навык почему-то упустил.

– Ну ничего страшного – утешила меня Авелина – Я тебя сейчас научу, и ты будешь уметь абсолютно всё! – Она взяла меня впервые за руку, и я почувствовал ее тепло и нежность рук. Увлеченный этими ощущениями я не заметил, как уже валялся на траве возле дорожки, по которой мы шли. Вокруг нас лежали сотни золотых, красных, еле зеленых, оранжевых листьев, из которых мы собирались сплести венки. Вокруг ходили люди, но мы были далеки от них.

– Знаешь, я научу тебя плести венки только при одном условии – сказала Авелина еле слышно, пододвигаясь ко мне еще ближе.

Я был заинтригован, но она не продолжала. Ждала моего

вопроса и смотрела мне прямо в глаза.

– Каком? – наконец спросил я после длительной паузы. Я отвлекся на ее глаза, как обычно.

– Если ты потом тоже научишь меня чему-нибудь другому – так же еле слышно произнесла она и пододвинулась еще ближе. Ее лицо было так близко к моему, что я мог рассмотреть на ее лице каждую пору, каждый комочек туши на ресницах, но я конечно смотрел в глаза и терялся. Терялся в этой чарующей темноте неизвестности.

– Ну так ты согласен? – спросила она, возвращая меня к реальности.

– Конечно, куда меня еще деваться. Ведь больше такого шанса у меня может не быть – согласился я, пленник ее хитрой уловки и чарующей улыбки.

– Я рада, что ты оказался такой сообразительный- улыбнулась она и поднялась, чтобы начать собирать листы.

Все-таки она очаровательна. Может быть был прав Джерри, когда говорил о моей влюбленности к ней?

Я повалился всем телом на траву, завел руки за голову и наблюдал как Лина собирает самые красивые листочки, отбрасывая в сторону те, которые не очень ей приглянулись. Затем, выглянуло солнце из-за облаков, и я закрыл глаза, наслаждаясь сегодняшним днем и чудесной погодой. Я не мог точно для себя определить, что чувствую к этой девушке, но знал точно, что именно сейчас, находясь здесь, на траве, недалеко от нее, я абсолютно счастлив.

На следующий день я, конечно, заболел и поэтому решил не навещать Лину в больнице, хотя мысли меня постоянно уносили к ней. Она и без меня не может выздороветь, а тут еще есть шанс заболеть простудой или гриппом – я еще не разобрался чем именно. Рабочие дела я тоже решил сегодня отложить и посветить этот день себе. Я налил себе кофе, достал книгу Стивена Кинга «Стрелок» и удобно устроился на кровати у себя в спальне.

За окном сегодня было пасмурно и поэтому никакого желания, даже будучи больным, прогуляться у меня не было. Я глянул в окно, чтобы удостовериться в своих мыслях и полностью с ними согласился, машинально кивнув головой в знак согласия. Все-таки хорошо, когда ты и твои мысли – одно целое.

Я открыл книгу, которая пахла свеженапечатанной краской, поднес ее к носу, чтобы ощутить этот аромат сильнее и принялся читать. Не то чтобы я такой сентиментальный дурак, просто именно сегодня мне так захотелось поступить. Впрочем, не только сегодня. Но какое мне дело что об этом подумают другие? Нет, на такую ерунду я не готов отвлекаться. Поэтому просто взял и понюхал книгу – с детства любил этот запах. А вот книги читать в детстве не любил, просто их нюхал. Ничего не поделаешь, у всех свои странности.

Время за чтением летело так незаметно, что я и опомниться не успел, как уже был обед. Вокруг меня скопилось целая

свалка использованных мною салфеток и в животе стало урчать. Явный признак того, что пора перекусить.

Я заглянул в холодильник, но он оказался пуст. Все-таки странно, мне казалось, совсем недавно покупал продукты. Но нет так нет. Живот мой вновь запротестовал, и я решил все-таки заказать что-нибудь на дом. Идти по-прежнему никуда не хотелось. Не успел я взять телефон, как понял, что кто-то ломится в мою входную дверь. У меня уже появились на этот счет некоторые подозрения. И я оказался прав. Это был Джерард, мой сумасшедший, генеративный друг. У которого всегда есть силы на все.

– Ты чего сегодня никуда не выходил? – удивился он, оглядывая мой печальный, больной вид, – Выглядишь просто отвратительно.

Джерард всегда умел подбадривать! Этого у него не отнимешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.